

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ

На правах рукописи

Ван Цзяньган

«УЙГУРСКИЙ ВОПРОС» И ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В
СИНЬЦЗЯНЕ

Специальность: 07.00.07 – «Этнография, этнология и антропология»

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических/политических наук

Научный руководитель:

доктор исторических наук, профессор

ГУБОГЛО МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ

Москва – 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ИСТОРИЧЕСКИЙ И КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ.....	16
1.1. Из истории развития района Синьцзян.....	21
1.2. Язык и религия древних ханьцев и уйгуров.....	27
1.3. Национальные традиции уйгурского народа.....	31
ГЛАВА 2. СПЕЦИФИКА МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В СУАР.....	40
2.1. Особенности развития межэтнических отношений в Синьцзяне.....	42
2.2. Практика современной этнической политики Китая в отношении СУАР.....	52
2.2. Факторы, формирования и развития межэтнических отношений в СУАР.....	61
ГЛАВА 3. РОЛЬ СИСТЕМЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ АВТОНОМИЙ КИТАЯ В ПОСТРОЕНИИ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ.....	80
3.1. Предпосылки создания автономий в КНР.....	84
3.2. Полномочия национальных автономий.....	87
3.3. Права, обязанности и свободы национальных меньшинств в рамках политической системы Китая.....	92
ГЛАВА 4. БУДУЩЕЕ КИТАЯ В КОНТЕКСТЕ «УЙГУРСКОГО ВОПРОСА»...	103
4.1. Деформация целей национальных меньшинств.....	105
4.2. Религиозная основа современного СУАР.....	107

4.3. Возможности и перспективы развития межэтнических отношений.....	123
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	129
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	137

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования обусловлена развитием отношений между представителями разных этносов, различающихся в культурном отношении. Тема нации, нациестроительства, национальной (этнической) политики Китая остается малоизученной, особенно за его пределами. Да и в самом Китае состояние изученности этих вопросов оставляет желать лучшего.

В современном мире наблюдается тенденция к росту самоидентификации народов в совокупности с обострением религиозных проблем, в первую очередь с активизацией в некоторых регионах исламского фундаментализма, порождающего религиозный экстремизм, терроризм и сепаратизм. Это касается и Китайской Народной Республики. Они, в частности, сконцентрированы в одном из пяти автономных районов страны – в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (далее по тексту – СУАР, Синьцзян).

Китайская Народная Республика (Китай) – полиэтническое государство, которое на протяжении всей своей истории стремилось к созданию единой общности, объединению народов в единую государственно-политическую систему. Поэтому на протяжении практически всего XX века национальный вопрос оставался одним из важнейших для Китая, и хотя теперь его понимание и связываемые с ним задачи несколько изменились, проблема единства китайской нации и сущность китайского национализма остаются актуальными для страны и в XXI веке¹. К тому же, концептуальная инфантильность разграничивать нации и этнические общности стала камнем преткновения как в научном дискурсе, так и в проведении национальной политики на протяжении практически всего XX века².

¹ Кузнецов А.М. Этнонациональная политика и современные проблемы нациестроительства в Китае: монография. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2010.

² Москалев А.А. Нация и национализм в Китае: эволюция китайской мысли в подходах к нации и национализму. М.: Памятники исторической мысли, 2005.

Формально национальная политика КНР направлена на поддержание межэтнического баланса в государстве и построение не только гармоничных отношений между народностями, но и их лояльного отношения к государству. Однако на практике эта политика касается главным образом национальных меньшинств. Вместо единой национальной политики в Китае действуют различные правила для представителей разных национальностей: допустимое количество детей в семье, налоговые ставки, проходные баллы при поступлении в вуз и прочие нормативы, отличающиеся в зависимости от национальной идентичности, несмотря на одинаковую гражданскую принадлежность. Поэтому в данной работе чаще используется термин «этническая политика» как более точно отражающий суть исследуемого вопроса.

Основная цель, которая была заложена в политическую систему Китая еще до образования Китайской Народной Республики (1949 г.) – это создание единой нации, своего рода «суперэтноса» на основе гражданственности. По мнению китайских лидеров, начиная с первой половины XX века, этническая идентичность должна была быть подчинена единой национальной идентичности. По этой логике, в китайскую нацию должны были добровольно ассимилироваться все народы, населявшие Китай. Понятие «этнос» недавно вошло в употребление в научных кругах, политизировано оно было позже. Употреблялись понятия «народ», «народность», «нация», которые тоже несли явную политическую окраску.

«Национальный вопрос» всегда рассматривался на государственном уровне и занимал важное место в партийных документах Гоминьдана, Коммунистической партии Китая и в Конституции КНР. Эти вопросы в новейшей истории Китая поднимали известные общественные и политические деятели – Сунь Ятсен, Лян Цичао, Ван Цзинвэй, Чан Кайши, Мао Цзэдун и др.

Этническая политика КНР на практике воплотилась в создание системы национальных автономий. Система национальных автономий должна была сбалансировать полиэтническую ситуацию государства, наделив национальные меньшинства обещанными КПК правами, не меняя унитарное устройство державы. В Китае с 1947 по 1965 год было сформировано пять автономных районов, которые, в свою очередь, были разделены на малые автономно-территориальные единицы по этническому признаку. Автономные районы КНР наделены многими существенными правами и функциями: основными являются функция законотворчества и самостоятельного распределения финансов. Автономии сами регулируют законодательную систему в своем районе, учитывая национальную и культурную принадлежность населения.

Ханьское (китайское) население распределено по всей территории континентального Китая, чему также способствовали принятые властями меры в рамках этнической политики государства. Планировалось, что расселение ханьцев приведет к построению гармоничных межэтнических отношений в стране, которые будут основываться на гражданском единстве, патриотизме, взаимопомощи и пр. Ханьское население в стране составляет около 92 % всего населения КНР, но в отдельных районах численно преобладают другие этнические группы. В Синьцзян-Уйгурском автономном районе титульной народностью считаются уйгуры, которые составляют более 45% населения, в то время как доля ханьского населения в районе колеблется на уровне 40%. В данном регионе межэтническая ситуация определяется главным образом отношениями между уйгурами и ханьцами. Представители этих народов существенно отличаются в культурном, языковом и религиозном плане. Анализ этих взаимоотношений и государственной политики в СУАР дает основание предполагать, что ситуация в регионе может резко измениться к худшему — от созидательного пути государство- и нациестроительства к экстремизму и сепаратизму.

Степень научной изученности темы. Проблема этнической политики КНР на примере СУАР и непосредственно межэтнических отношений в регионе затрагивалась в научной литературе. Однако исследовались главным образом лишь некоторые аспекты и векторы этнической политики Китая – в работах советских, российских, китайских и западных исследователей.

Отдельные категории, которые рассматриваются в данной работе, в частности «этнос», «нация», «гражданская нация», «экстремизм», «терроризм», «сепаратизм» и другие взаимодополняющие понятия, анализировались многими авторами.

В науке вопросы «этноса» и «нации» активно исследуются еще с XIX века. Непосредственный вклад в данный вопрос внесли труды Л.Н. Гумилева, Ю.В. Бромлея, С.А. Токарева, Н.С. Трубецкого, Ю.В. Арутюняна, М. Ю. Мартыновой, Р.Г. Абдулатипова, В.А. Михайлова, В.А. Тишкова, С.В. Чешко, а также китайских ученых Фэй Сяотуна, Ма Жуна, Шэн Шуджэня и др.

Следует выделить влиятельные исследовательские проекты по религии и фундаментализму¹, исследования экстремизма и терроризма², в том числе работы, освещающие «уйгурский вопрос» в контексте сепаратизма в СУАР³.

¹ Народы и религии мира: энциклопедия / Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Российской акад. Наук / гл. ред. В. А. Тишков. М.: Большая российская энцикл., 1998; Ислам и этническая мобилизация: национальные движения в тюркском мире / Центр по изуч. межнац. отношений Ин-та этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, Межрегион. обществ. орг. «Науч. о-во этнографов и антропологов» / сост. С. М. Червонная / под. ред. М. Н. Губогло. М., 1998; Религии Китая: Хрестоматия / С.-Петерб. гос. ун-т. / ред.-сост. Е. А. Торчинов. СПб.: Евразия, 2001; Брилев Д. В. Религии мира. Ислам. М.: Мир кн., 2007; Родионов М.А. Ислам классический. СПб.: Азбука-классика, 2004; Васильев Л.С. Культы, религии, традиции в Китае. М.: Наука, 2001.

² Гальперин Б.И. Религиозный экстремизм: кто есть кто. Киев: Политиздат Украины, 1989; Игнатенко А.А. Ислам и политика. М.: Ин-т религии и политики РАН, 2004; Угроза ИГИЛ: пути воздействия национально-религиозному экстремизму: сборник информационно-аналитических материалов. М.: Московское бюро по правам человека, 2016; Малик И. Ислам и не-ислам. Ислам и экстремизм. Ислам и терроризм. Казань: Идел-Пресс, 2005; Поляков К. И. Исламский экстремизм в Центральной Азии. М.: Институт востоковедения РАН, 2014.

³ Корсун В.А. Этнический сепаратизм в Китае / Конфликты на востоке: Этнические и

Интересный материал содержится в трудах, посвященных Центральной Азии¹.

Среди современных публикаций обращают на себя внимание работы, связанные с изучением методологических вопросов этнологии и непосредственно самого Китая, выполняемые в таких научных учреждениях, как Институт востоковедения РАН, Институт этнологии и антропологии РАН, Институт Дальнего Востока РАН, МГИМО, РУДН, Петербургский государственный университет, вузы Барнаула, Красноярска и др. Среди авторов, занимающихся изучением вопросов, которые затрагивают тематику данного диссертационного исследования, выделяются труды А.А. Москалева, А.М. Кузнецова. Значительный историографический материал, касающийся непосредственно Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР, представлен в работах А.В. Бондаренко, Д.В. Дубровской, Е.А. Афанасьевой, Е.С. Баженовой и других авторов.

Объектом диссертационного исследования является этническая политика и межэтнические отношения в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китайской Народной Республики, в том числе феномен экстремизма и сепаратизма.

Предмет исследования – влияние этнической политики КНР на ситуацию в Синьцзян-Уйгурском автономном районе в рамках межэтнических отношений и «уйгурского вопроса» в целом.

этноконфессиональные. М., 2008; Сыроежкин К.Л. Мифы и реальность этнического сепаратизма в Китае и безопасность в Центральной Азии. Алматы, 2003; Цзэминь Цзян. Правильное понимание истории СУАР и противостояние этническому сепаратизму // Литература партии. Китай, 2010. № 6; Чжан Сюмин. Практика борьбы с сепаратизмом и сохранение социальной стабильности в СУАР. Урумчи: Народное издательство СУАР, 2009.

¹ Белоглазов А.В. Влияние ислама на политические процессы в Центральной Азии: учеб. пособие. Казань: Казан. ун-т, 2013; Кривец Е. А. Ислам в Центральной Азии. М., 1999.; Ушаков В. Н. Политический ислам в Центральной Азии: основные факторы и перспективы. М.: Бишкек: Изд-во КРСУ, 2005.

Цель исследования выражается в анализе взаимосвязи этнической политики КНР и сосуществования уйгуров и ханьцев в СУАР с учетом роста этнической самоидентификации и мировых тенденций развития экстремизма и сепаратизма.

Исходя из сформулированной цели, выдвигаются **следующие задачи**:

- Анализ исторических фактов развития межэтнических отношений в Синьцзяне в соответствии с векторами национальной (этнической) политики в разные периоды в истории Китая.
- Исследование социокультурных и религиозных аспектов «уйгурского вопроса», имеющего актуальное значение в системе межэтнических отношений в СУАР.
- Анализ современной государственной этнической политики Китая в Синьцзян-Уйгурском автономном районе в контексте ее влияния на межэтническую ситуацию в районе.
- Исследование системы национальных автономий КНР с выявлением ее роли в реализации прав и свобод национальных меньшинств в политической системе Китая как условия самосохранения и возникновения сепаратистских настроений в среде некоторых этнических групп.
- Исследование внутренних и внешних факторов влияния на межэтническую ситуацию в Синьцзяне и ее значимость для КНР в целом.
- Выявление предпосылок возникновения уйгурского сепаратизма и экстремизма и его возможного влияния на будущее страны.
- Определение влияния мировых тенденций на развитие исламского фундаментализма в Синьцзяне.

Гипотеза диссертационного исследования. Синьцзян-Уйгурский автономный район является одним из примеров реализации государственной этнической политики в Китае. Наделение существенными правами национальных

меньшинств приводит к обострению межэтнических отношений и внутренним этноконфессиональным конфликтам, которые дестабилизируют ситуацию не только в определенных регионах, но и выходят на общегосударственный уровень. Внутренние дисбалансы такого рода часто становятся причиной распада многонационального государства.

Теоретико-методологическая основа исследования. В данном диссертационном исследовании использовались принципы структурного и системного анализа, а также структурно-функционального подхода, благодаря которым стало возможным определить причины и динамику развития межэтнических отношений, возникновение проявлений сепаратизма в регионе и взаимосвязь этнокультурных и социально-политических процессов в государстве.

Для исследования особенностей развития района был использован исторический метод, который дал возможность учесть характерные черты этногенеза и последующего развития этнической самоидентификации уйгуров. Данный метод также позволил выявить причинно-следственную связь между определенными политическими явлениями.

С помощью институционального метода выделены и проанализированы политические, социальные, экономические и культурные предпосылки к оформлению межэтнических отношений и тенденции к росту экстремистских и сепаратистских настроений внутри этнических групп.

Использовалась методика изучения государственных и политических документов, социологических и статистических данных и фактов из личных наблюдений.

Источниковая база диссертационной работы включает широкий спектр источников, обусловленных темой, целями и программой данного исследования. В процессе написания работы были использованы источники разных видов,

опубликованные на русском, китайском и английском языках, в том числе законодательные акты Китая и статистические данные, нормативно-правовые акты СУАР, международные документы, касающиеся проблематики Синьцзяна, данные периодики и публицистические материалы.

Особое внимание было уделено тематически систематизированным и основанным на статистических данных материалам, представленным в «Белых книгах». Белые книги являются официальными изданиями пресс-службы Госсовета КНР, которая от своего имени или совместно с государственными научно-исследовательскими центрами предоставляет официальную информацию, касающуюся вопросов внешней и внутренней политики, этнической политики, культуры, народного хозяйства, экономики, прав человека и гражданина, партийной информации и т.д.

Среди источников, которые относятся к публицистике, стоит выделить: «Жэньминь жибао», «Nations and nationalism», «World politics», «China Daily», «Международные отношения» и другие издания, анализ которых позволил увидеть, контурно очертить и осмыслить тенденции развития некоторых процессов, оказывающих влияние на развитие вопросов, связанных с международными проблемами, затрагивающими, помимо прочего, и «уйгурский вопрос».

Ознакомление с использованными в ходе работы над диссертацией источниками позволило комплексно и всесторонне рассмотреть этнополитическую ситуацию в СУАР, в том числе влияние на нее этнической политики в Китае, этноконфессионального устройства региона, глобальных тенденций на развитие межэтнических отношений в Синьцзяне и «уйгурский вопрос» в целом.

Научная новизна проведенного исследования заключается в применении комплексного подхода, при котором систематизируются разнообразные источники

и методы исследования. Данная работа направлена на раскрытие сути этно-национальной политики Китая в контексте межэтнических отношений, что позволяет рассмотреть вопрос с относительно новой для российской науки стороны. В современном гуманитарном знании вопрос сосуществования национальных меньшинств в СУАР ранее не использовался для оценки проводимой в КНР политики и возможности стабилизации ситуации в регионе. Диссертационное исследование может, на наш взгляд, способствовать пониманию современной ситуации в Синьцзяне и потенциальных последствиях ее развития. Диссертационное исследование призвано показать, как на фоне непростых взаимоотношений мусульман-уйгур и ханьцев, на фоне влияния религиозной пропаганды радикального ислама, а также поддержки из-за рубежа, в том числе со стороны сил международного терроризма, реализуемая властями КНР этническая политика не только не способствует стабилизации ситуации в регионе, но и ведет к активизации уйгурского сепаратизма.

Научные положения, выносимые на защиту. Национальная (этническая) политика, проводимая в КНР по отношению к национальным автономиям, целью которой, по мнению властей, является построение гармоничных отношений в многонациональной стране, обнаруживает свою слабую эффективность. Этническая политика основана на поощрении национальных «отличий», в то время как на протяжении всего существования Китайской Народной Республики руководителями страны был выбран путь к построению единой политико-гражданской нации. Наделяя местные автономии широким спектром прав, центральная власть в известной мере ослабляет свое влияние на местные власти, значительная часть которых — это представители этнических групп. Этнические меньшинства имеют больше личностных и гражданских прав, привилегий и льгот, чем титульная нация и, поддерживаемые государством, они подчеркивают свое

отличие от других граждан, порождая тем самым опасные противоречия между этносами и провоцируя идеи сепаратизма.

Современные процессы исламизации, роста фундаментализма, религиозного экстремизма и международного терроризма оказывают существенное влияние на мусульманское население Синьцзяна. Количество верующих мусульман в регионе составляет более 60% населения, все они принадлежат к суннитскому толку в исламе. Активную идеологическую пропаганду среди населения проводят многочисленные зарубежные экстремистские организации.

Действия государства ориентированы в первую очередь на борьбу с практическим проявлением экстремизма – терроризмом. Борьба с терроризмом подразумевает силовые меры, которые не приветствуются мировым сообществом. Во избежание негативных последствий государство разрабатывает ряд мер, направленных на их предотвращение, однако развитие антигосударственных процессов продолжается. Например, власти запретили некоторые источники и средства массовой коммуникации и ограничили глобальную сеть Интернет, но это не улучшило ситуацию, а только дало импульс использованию других источников информации и пропаганды – через мечети, школы для мусульман и т.д.

Характер той или иной политической ситуации во многом определяют лидеры. Этнические и религиозные лидеры выдвигают порой справедливые лозунги самоопределения, борьбы за политические свободы, прибегая при этом к интерпретации исторических фактов в духе дискриминации этнических меньшинств, тем самым накаляя и усиливая межэтническое напряжение.

Уровень религиозной самоидентификации уйгуров гораздо выше, чем их этническая самоидентификация, поэтому религиозный фактор оказывает значимое влияние на характер национального сопротивления этноса, что свидетельствует в

первую очередь о высокой степени сплоченности мусульман, а лишь потом – о принадлежности к определенной этнической группе.

Управление многонациональным государством в рамках оптимизации политики и наделение национальных меньшинств многими политическими правами может привести к распаду такого государства. В истории есть немало примеров, когда полиэтнические государства, используя политику «affirmative action», не могли справиться с этническим разнообразием и заканчивали свое существование разрушением системы и распадом.

Теоретическое значение исследования. Аналитическая модель данного диссертационного исследования выделяет стратегически значимую роль СУАР в государстве с учетом его экономического, социального и поликультурного развития в контексте реализации этнической политики КНР и этноконфессионального характера региона.

Практическая значимость. Материалы и выводы данной диссертации могут быть использованы в специальных курсах высших учебных заведений при разработке темы межэтнических отношений и межэтнических конфликтов в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР – в курсах «Этнополитология», «Конфликтология», «Национальная политика Китая», «Политика и государственное управление», «Конституционное право зарубежных стран», «Межэтнические отношения в Китае». Информация, приведенная в данной работе, может стать основой для изучения проблем, касающихся многонациональных обществ, в частности практики национальной политики и межэтнических отношений на примере Синьцзяна, целостности Китая и мировой политики в целом, в контексте вопросов религиозной принадлежности, экстремизма и сепаратизма.

Структура диссертации. Диссертация состоит из 4-х глав, объединяющих 12 параграфов, заключения и списка литературы, всего на 146 стр.

ГЛАВА 1. ИСТОРИЧЕСКИЙ И КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ

Проблемы сосуществования этнических групп в Китае обусловили необходимость формирования эффективной этнической и национальной политики. В настоящей работе «этническая политика» обозначает конкретные шаги государства по урегулированию взаимоотношений с входящими в его состав этническими общностями с целью, с одной стороны, обеспечения их прав, а с другой – сохранения своего государства в условиях поликультурализма. В качестве «национальной политики» предлагается понимать комплекс мер, направленных на формирование единой нации из различных общностей или же создание условий для их сплочения в рамках общего государства. Поскольку оба направления в политике развиваются в тесном взаимодействии, то было бы целесообразно совместить их путем использования концепта «этнонациональная политика»¹. В китайской науке в целом сохраняется отождествление понятий «национальная политика» и «этническая политика», однако, далее будет использоваться термин «этническая политика».

Для общего понимания исследуемой проблематики уместно представить общие характеристики Синьцзян-Уйгурского автономного района Китайской Народной Республики.

Синьцзян-Уйгурский автономный район расположен на северо-западе Китая и является самой большой по площади территориально-административной единицей КНР. Его площадь – 1 743 441 км², что составляет шестую часть территории Китая. Административный центр и крупнейший город – Урумчи. Город занимает стратегически выгодное местоположение и является важным торгово-транспортным узлом региона. Синьцзян имеет сухопутную границу

протяженностью 5600 км с восемью государствами – Монголией, Россией, Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном, Афганистаном, Пакистаном и Индией. Внутри страны Синьцзян граничит с провинциями Ганьсу, Цинхай и Тибетским автономным районом. В географическом отношении СУАР занимает центральное положение на евразийском континенте.

На северной части территории СУАР расположена песчано-суглинистая Джунгарская равнина, на южной – Кашгарская равнина (Таримская впадина), в центральной части которой находится пустыня Такла-Макан. Равнины разделяют высокогорные хребты Восточного Тянь-Шаня (высота около 7000 м). Основные реки – Тарим, верховья Или, Иртыша и озера – Лоб-Нор, Баграшкель, Эби-Нур.

Синьцзян-Уйгурский автономный район богат природными, минеральными и углеводородными ресурсами. Благоприятные климатические условия дают ему большие преимущества в развитии земледелия и животноводства. С точки зрения географического расположения СУАР относится к умеренному поясу, и благодаря континентальному аридному и полуаридному климату здесь произрастают многие сельскохозяйственные культуры. Синьцзян-Уйгурский район поражает удивительными достопримечательностями. Это не только бескрайние степи и пустыни, вторая вершина мира Чогори, вторая низина мира Турфанская впадина с озером Айдын-куль, а также буддийские пещеры, разного стиля мечети, ламаистские храмы, монастыри, мемориалы и многое другое. Туристическая привлекательность предоставляет СУАР немалые возможности для развития турбизнеса.

Социально-экономическое положение национальных меньшинств до образования Китайской Народной Республики определялось прежде всего характером полуфеодального экономического и политического строя страны. Зависимое положение окраин от центра еще более ухудшало их положение, что

можно видеть на примере Синьцзяна¹. До 1949 года, СУАР находился в значительной экономической зависимости от Советского Союза, особенно подобная ситуация была характерной во время правления генерал-губернатора Шэн Шицая (1933-1944). СССР помогал Синьцзянскому правительству в разработке и осуществлении «трехлетнего экономического плана», предоставлял кредиты, оказывал содействие в упорядочении финансовых вопросов, восстановлении сельского хозяйства, а также в развитии индустрии и обрабатывающей промышленности. Однако в политическом отношении регион по-прежнему сильно зависел от Китая.

Синьцзян-Уйгурский автономный район был образован 1 октября 1955 года в системе национальных автономий КНР. Эта система автономии отражает основное направление этнической политики, проводимой китайским коммунистическим правительством с учетом реальной этнографической и политической ситуации в стране в целях решения внутренних национальных вопросов, и является важнейшим элементом политической системы Китая. Административное деление автономных территорий имеет три уровня – автономный район, автономный округ и автономный уезд (сомон), которые соответствуют провинции, округу и уезду в системе обычных административных единиц. При создании автономий на территориях населенных национальными меньшинствами, за основу брались такие факторы, как местные национальные отношения, уровень экономического развития, исторические особенности и т. д.

Соответственно в составе Синьцзян-Уйгурского автономного района в настоящее время находятся 5 этнических автономных областей, которые, в свою очередь, делятся на 6 автономных уездов и 43 национальные деревни. СУАР – это единственный автономный район КНР с административным делением трех

¹ Котов К.Ф. Местная национальная автономия в Китайской Народной Республике. М., 1959.

Численность населения Синьцзян-Уйгурского автономного района составляет около 20 млн. человек. По данным шестой национальной переписи населения, проведенной в 2010 году, в СУАР представлены 55 национальных меньшинств, из них 13 – коренные народы. Коренными считаются народности, которые населяли территорию СУАР до образования КНР. К ним относятся уйгуры, ханьцы, хуэйцы (дунгане), таджики, казахи, монголы, сибиряки, киргизы, маньчжуры, узбеки, татары, русские, дауры. При этом многие из них живут и в соседних государствах, не имея особых различий в культуре, обычаях и традициях.

В настоящее время в СУАР преобладают: уйгуры, ханьцы и казахи численностью 9651000, 8239000 и 1484000 человек соответственно. Распределение этнического состава таково: уйгуры проживают преимущественно на юге и востоке от Тяньшаня (88,15%), а ханьцы – на севере региона, но это касается в основном сельской местности. В городах уйгуры и ханьцы живут компактно, в своих анклавах. Дунган насчитывается 943000, киргизов – 180200, монголов – 160609, а доля русских, таджиков и других этнических меньшинств составляет не более 10000.

Можно выделить два основных направления отношений между этносами, проживающими в СУАР: отношения между ханьцами и этническими меньшинствами; взаимоотношения этнических меньшинств между собой.

При этом отношения между ханьцами и уйгурами оказывает самое сильное влияние на состояние межэтнических отношений в СУАР в целом¹.

По религиозному признаку население СУАР делится на мусульманское и немусульманское. 60% населения – верующие, из них семь народов исповедует

¹ Ван Цзяньган. Межэтнические отношения в Синьцзян-Уйгурском автономном районе // Вестник антропологии. 2016, № 3(35). С. 27–53.

ислам, то есть 89% от всех верующих¹. Разные привычки, пищевые запреты (например, запрет на свинину) и другие аспекты религиозной жизни создают дополнительные барьеры и препятствуют построению полноценных контактов между конфессиональными общинами. Таким образом, симбиоз социальных и религиозных факторов создают предпосылки к противостоянию и конфликтам. Это одна из самых важных характеристик межэтнических отношений в СУАР.

1.1. Из истории развития района Синьцзян

Современный Синьцзян-Уйгурский район в древности носил название Сиюй, что означало «Западный край». Название Сиюй встречается впервые около 2000 лет назад в летописях Ханьской династии. Позднее этот район часто стали называть просто как северо-западный район Китая. Сведений об установленных границах Сиюя, к сожалению, не сохранилось, так как очертания края по летописям разных династий не совпадают, но в каждом указано, что центром Сиюя была территория современного Синьцзяна и территория Средней Азии.

Через Сиюй проходил путь с Востока на Запад, по которому часто ездили посланники Ханьской империи.

Китайский народ — ханьцы – изначально населяли территорию центральной части Китая близ реки Ханьшуй, где и была основана династия Хань (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.), время правления которой считается высшей точкой расцвета древнекитайской цивилизации. В период правления династии Хань Китай представлял собой огромную цивилизованную империю, с которой, помимо северных кочевых конгломератов, мало кто мог соперничать в Дальневосточном

¹ Лю Ян Сюнь. Между уйгурами и ханьцами в г. Урумчи с 1949 // China News Weekly. 2014. (URL: <http://guancha.cn>).

регионе. Экономика этой многовековой оседлой цивилизации базировалась на сельском хозяйстве, но на границах, особенно северных, китайская империя, как и современная ей Римская, сталкивалась с проблемой взаимоотношений с «варварскими», чаще всего кочевыми, племенами¹.

В период правления династий Цинь (202 г. до н.э. – 206 г. до н.э.) и Хань большинство племен, населявших территорию Поднебесной, стремились к объединению и в дальнейшем идентифицировали себя как единый народ — хань. Что касается Синьцзяна, то ханьцы заселяли и осваивали его земли по принципу системы военных поселений. По археологическим и летописным данным, в 60 г. до н.э. большая этническая группа ханьцев проживала в пределах района Гаочан (современный Турфан) и считалась основной на этой территории.

По данным китайских исследователей, уйгурская этническая общность образовалась в результате смешения племен, обитавших в монгольских степях и оазисах Таримской впадины. Предками уйгуров являются бэйди («ди», «динлин»)², которые занимались кочевым скотоводством. В XI веке до н.э. часть племен ди начала двигаться на север, одни из которых остановились во Внутренней Монголии, став позже частью гуннов, а другие последовали к северу от Монгольской Гоби, в южносибирскую тайгу, и смешались с местным населением. Таким образом, динлин разделились на восточное и западное племена, вследствие чего усиливались их отличия и со временем сформировались две разные группы. Из восточных племен сформировался этнос уйгуров, а из западных — тюркские племена ашинов, карлуков и др. После III века до н.э. «динлин» упоминаются в

¹ Дубровская Д. В. Судьба Синьцзяна. Обретение Китаем «Новой границы» в конце XIX в. М.: Институт востоковедения РАН, 1998.

² Бэйди или Ди («динлин», «дили») — одна из самых древних народностей Китая, которая проживала примерно в 2000 г. до н.э. в северно-западном районе Китая смежно с племенами хуася (предками ханьцев). Согласно историческим данным, они были схожи по внешним признакам с представителями племен хуася, но разговаривали на разных языках.

ханьских хрониках как «телэ», «чилэ» или «гаочэ» и пр. Принято считать, что в племени гаочэ было шесть основных родов (ди, хилуй, хугу, юаньхэ, цзеци, ичицзинь), из которых именно юаньхэ стали потом уйгурами. На формирование уйгур влияли также смешивания с монголами и хуэху. Процесс формирования уйгурского этноса длился с VIII по XVI век. После распада Чагатайского ханства в XVI веке в новосозданном Яркендском ханстве появилось 13 новых народов, среди которых преобладали уйгуры, казахи и узбеки. Яркендское ханство контролировало южную часть территории современного СУАР, которую в большей степени населяли уйгуры. Северную часть (современной территории СУАР) населяли казахи и джунгары, которые в XVII веке покорили Яркендское ханство, и в 1678 году образовалось Джунгарское ханство. Джунгары были кочевниками, поэтому поощряли переселения народов в малообжитые участки государства. Уйгуры в этот период частично переселялись с целью освоения новых земель и выращивания сельскохозяйственных культур.

После падения Джунгарского ханства в 1755 году территория отошла к Цинской династии (1644 – 1912 гг.), а в 1884 году была создана новая провинция, названная Синьцзян, что в переводе с китайского означает «Новый край». Национальная политика, проводимая Цинской династией, стремилась к созданию условий для некоего разделения народов, то есть не способствовала их взаимодействию во избежание конфликтов. Цинская династия в вопросах религии и национальной культуры проявляла толерантность к представителям разных вероисповеданий, были разрешены браки между представителями разных национальных групп, за исключением ханьцев. При освоении новых территорий национальными группами они освобождались от всех налогов и получали помощь в построении школ, что говорит о содействии правительства в социально-экономической жизни этнических меньшинств.

Одним из значимых событий в новой истории Синьцзяна стал период создания «Исламской республики Восточный Туркестан». 30-е годы XX века сопровождались социальными обострениями, возникали волнения и бунты среди населения. Массы восстали против милитаристского режима Цзинь Шужэня, нового губернатора провинции Синьцзян. Восстания в дальнейшем разворачивались как своего рода «священная война» мусульман с иноверцами. Руководили повстанческим движением в Южном Синьцзяне представители тайных организаций, приверженцев панисламизма и пантюркизма. Это обернулось борьбой с коммунистами и с некоторыми народами (в основном с – дунганами и ханьцами), целью которой было создание отдельного теократического исламского государства. Тем самым восстания против феодализма и милитаризма, гнета и эксплуатации его населения превратилось в серьезное сепаратистское движение, плодом которого стала первая Восточно-Туркестанская республика (ВТР), она же – Тюркская Исламская республика Восточный Туркестан (ТИРВТ), или Республика Уйгурстан, основаная 12 ноября 1933 г. в период Гражданской войны в Китае¹. Ее столицей стал город Кашгар, президентом избран Хаджи Нияз-хаджи, премьер-министром – Сабит Домулла, министром обороны – Махмут Мухити². Были созданы и обнародованы официальные документы нового правительства (организационная программа, политическая программа, конституция и пр.). Правительство Восточного Туркестана стремилось получить дипломатическое признание, обращаясь к Британской Индии, Ирану, Афганистану и другим странам. Были также выпущены банкноты Банка Исламской республики Восточный Туркестан, газеты и журналы, пропагандировавшие сепаратизм и священную войну. Однако данное государственное образование просуществовало недолго. Заручившись поддержкой СССР, Компартия Китая провела ряд операций

¹ Ванюков Д.А., Веселовский С.П. Непризнанные государства. М.: Книжный Клуб Книговек, 2011.

² Там же.

по освобождению Синьцзяна. Вскоре правительство ВТР погибло в авиакатастрофе, а остальные приближенные лица эмигрировали в Турцию, Иран и другие страны.

В XIX веке суверенным считалось государство, которое имело политическое признание и статус которого основывался на «праве давности и исключений его по обычаю». Однако эта доктрина носила очень расплывчатый и неопределенный характер, так как критерии типа «политическое признание» противоборствующие стороны могли трактовать по своему усмотрению.

Организаторы Лиги Наций в 1919 году стали перед проблемой определения «законности» государств и критериев, которые должны иметь страны для членства в Лиге.

В рамках Панамериканского союза проблема государственной правосубъектности была разрешена на международной конференции в Монтевидео (1933). Форум принял Заключительную конвенцию, которая дала правовое определение государства, включив в дефиницию четыре критерия. Конвенция Монтевидео – один из немногих международных документов, перечисляющих признаки, определяющие правосубъектность государства с точки зрения международного публичного права. Таковыми являются: постоянное население; определенная территория; собственное правительство; способность к вступлению в отношения с другими государствами.

В соответствии с вышеуказанными критериями у этнических меньшинств Китая все же не было оснований выйти из его состава, в частности, согласно последнему пункту. Первая Восточно-Туркестанская республика просуществовала недолго, но была изначальным плодом восстания религиозных масс, что привело к актуализации идеи отделения территории и создания мусульманского государства.

Но самое главное то, что эти события остались не только в истории края и государства, но и в памяти народа.

Мусульманское движение в Синьцзяне в соответствии с коммунистической идеологией ошибочно представлялось как составная часть всеобщего китайского национально-освободительного движения. Интерес к изучению истории национальной борьбы уйгуров и других народов Восточного Туркестана против китайской власти в 1944-1949 годах возник после распада СССР¹.

Важным следствием существования Исламского государства Восточный Туркестан является то, что в сознании апологетов панисламизма утвердилась уверенность в том, что возрождение определенной нации возможно лишь при этнократическом режиме, то есть правлении одного народа, а сепаратизм, по их мнению – единственный верный путь к доминированию одного народа на «своей» территории. Поэтому не всегда только национальный гнет, зафиксированный в памяти народа, становится причиной возникновения межнационального напряжения в обществе, иногда это использование истории в интересах этнических элит, средство борьбы за власть.

Постоянное перемещение населения, переселение этнических групп на протяжении всей истории Китая приводило к тому, что на территории Китая сложилась смешанная в этническом отношении система расселения. При этом большинство почти повсеместно все-таки составляло ханьское население. На момент создания КНР численность этнических групп составляла всего около 6% населения. Только в отдельных районах Китая – Синьцзяне, Гуанси, Тибете – преобладали этнические меньшинства. Но в процессе длительного исторического развития между народами, проживающими смежно, образовалась тесная связь в

¹ Гасанлы Дж. П. Синьцзян в орбите советской политики: Сталин и мусульманское движение в Восточном Туркестане 1931-1949: монография. Пер. с азерб. Ф. Гаджиева. М. ФЛИНТА: Наука, 2015.

социально-экономической, политической и культурной сферах. Но, конечно, основной характеристикой сосуществования этносов на территории Китая до сих пор в большой мере является все же разделение и различие. Поэтому для Китая при данной исторически сложившейся национально-территориальной ситуации самым приемлемым вариантом в сохранении целостности государства и удовлетворении интересов национальных групп было создание национальных районных автономий с возможностью выражения воли всех народов, проживающих совместно в КНР.

Данный вариант совершенствования политической системы имеет историко-политическое обоснование. Более двух тысяч лет Китай уже был единым, многонациональным государством с централизованной властью, о чем свидетельствует история правления династий Цинь и Хань. Основной целью управленцев как 2000 лет назад, так и сегодня, является сохранение целостности государства, и для этого прилагается много усилий. Наделяя все национальные меньшинства особыми правами, необходимо учитывать тот факт, что ущемленным может быть и титульная нация. Обеспечивая удовлетворение интересов одних, всегда можно ожидать недовольства других. Поэтому для каждого государства является важнейшей задачей сохранять гармонию, не допускать дисбаланса прав и интересов.

1.2. Язык и религия древних ханьцев и уйгуров

С древних времен территория современного Синьцзяна (в древности Сиюй) был родиной многих этнических групп и находился на пересечении индийской, персидской, греческой и китайской цивилизаций. В качестве средства межэтнического общения, а также экономического и культурного обмена, в этом регионе возникали и развивались языки как в устной, так и в письменной форме. Исторически в Синьцзяне проживало свыше 30 древних этнических групп,

говоривших более чем на 30 языках: гуннском, гандхара, юйтянь-сакском, китайском, яньци-кучанском, тюркском, согдийском, древнеуйгурском, древнеперсидском, тубо (древнетибетский), монгольском, маньчжурском и др. Большая часть этих устных и письменных языков использовалась внутри небольших сообществ и не оказала значительного влияния на другие регионы, некоторые из них исчезли, некоторые смешались с другими языками. Наиболее значительными были древнеуйгурский и чагатайский письменные языки. Первый послужил источником для современной монгольской письменности «худум», а также маньчжурского и сибоского языков. Из второго же развились современные уйгурский, казахский и киргизский письменные языки. Единственный язык, который присутствовал во всей истории древнего Синьцзяна – это китайский, на котором и началась летописная история края. Китайский язык доминировал в данном районе и считался официальным.

Параллельно с завоеваниями и исламизацией в южных областях Центральной Азии распространялся арабский язык и культура. Однако на начальных этапах арабизация и исламизация не охватила широкие массы населения, а затрагивала лишь правящие элиты¹.

Однако, даже после смены власти, в частности в X веке, с началом правления в регионе династии Караханидов (940 – 1212 гг.), узаконившей исламскую культуру и обычаи китайский язык не утратил своей значимости. В дальнейшем языковая ситуация в Синьцзяне характеризовалась двуязычием – доминированием китайского и древнеуйгурского устного и письменного языков.

Уйгуры говорили и писали на древнеуйгурском языке, который относится к восточной ветви тюркских языков алтайской языковой семьи. Древнеуйгурская

¹ Белоглазов А.В. Влияние ислама на политические процессы в Центральной Азии: учеб. пособие. Казань: Казан. ун-т, 2013.

письменность использовалась как официальный письменный язык образованными монголами в Золотой орде, Чагатайском каганате, тем самым оказывая влияние на развитие соседствующих этнических групп. Древнеуйгурский язык был наиболее распространенным письменным языком этого региона, но в связи с проникновением ислама утвердилось письмо на основе арабского алфавита. Уйгурский язык на арабской основе вошел во всеобщее употребление с 1984 года с учетом его изменений. В настоящее время используется семь письменных языков – китайский, уйгурский, монгольский, казахский, киргизский, сибирский и русский.

Географическое положение СУАР обусловило развитие и существование многих религий, которые появлялись на основе пересечения некоторых древних культур. Так в Синьцзян пришли буддизм, манихейство, зороастризм, несторианство, даосизм и ислам. Основываясь на древних, первобытных верованиях (шаманизме) и подвергаясь влиянию новых религий, народы формировали свои традиции и культуру. До IX века в регионе преобладал буддизм и присущий первобытным верованиям в сверхъестественные силы даосизм. Считается, что даосизм и буддизм были наиболее распространены в районах проживания ханьцев. И все-таки основной религией «ранних» уйгуров был буддизм и манихейство. Во времена захвата арабами Центральной Азии в VIII веке н.э. начал проникать ислам путем мирного проповедования и освобождения единоверцев от больших налогов, а впоследствии – насильственным путем священной войны – «джихада». Уже с первых лет появления в Центральной Азии ислам использовался в политических целях как арабскими завоевателями, так и местными элитами. В свою очередь новая религия начала оказывать существенное влияние на политические процессы в регионе¹.

¹ Белоглазов А.В. Влияние ислама на политические процессы в Центральной Азии: учеб. Пособие. Казань: Казан. Ун-т, 2013.

Процесс исламизации Синьцзяна длившийся с IX по XVI век, сопровождался войнами и столкновениями, сменой форм политического управления. В XVIII веке политическое влияние ислама, священнослужителей и руководителей суфийских общин сильно возросло во всех районах южной части Центральной Азии. В этот период мы наблюдаем два весьма любопытных феномена: во-первых, создание суфийских государств под властью ходжей в Фергане и Ташкенте; во-вторых, значительное усиление роли суфизма в Бухарском эмирате, что наглядно проявилось на примере первого бухарского эмира Шах-Мурада – суфия в классическом смысле со всеми основными атрибутами. Все это свидетельствует о колоссальном влиянии ислама на политику в Центральной Азии в рассматриваемый период¹.

Не принявшие ислам уйгуры в XV веке переселились, в частности из окрестностей оз. Лоб-Нор, в провинцию Ганьсу. Потомки их известны в настоящее время как желтые уйгуры, проживающие в центральных провинциях Китая, в том числе в провинции Хунань. Внешне желтые уйгуры не похожи на уйгуров, а по языку ничем не отличаются от китайцев².

Спустя почти шесть веков ислам окончательно утвердил свое господство в Синьцзяне, потеснив индийский буддизм, персидское манихейство и зороастризм, центрально-китайский даосизм, католичество, православие и др. Таким образом, ислам проник и утвердился среди народов современного СУАР, что отобразилось в быту, обычаях, традициях, мышлении и образе жизни, особенно уйгурского народа (как самой массовой части мусульманского населения в регионе). На момент проникновения в Синьцзян в исламе уже было несколько направлений (суннизм, шиизм и суфизм), все они нашли здесь поддержку и распространились

¹ Петров В. И. Мятежное «сердце» Азии: Синьцзян: краткая история народных движений и воспоминания. М.:Издательство «Крафт+», 2003.

² Там же.

по этой территории. Но доминирующим в современном Синьцзяне является ислам суннитского толка. Духовенство с древних времен играло важную роль в жизни верующих уйгуров, всегда занимавших высшую социальную ступень в обществе. Духовенство владело большим количеством земли, имело судебные-полицейские функции и т.д. Сильное влияние духовенства на жизнь общества было одной из причин экономической отсталости народа¹.

1.3. Национальные традиции уйгурского народа

Автор диссертации родился и прожил тридцать лет в Синьцзяне, неподалеку от границы Китая с Казахстаном. Автор, ханец по национальности, вырос среди уйгуров и хорошо знаком с их традициями и нравами. Обычаи и традиции уйгуров отличаются не только от ханьских, но и от обычаев и традиций представителей других национальностей, населяющих Синьцзян. Уйгуры – очень гостеприимный народ, в уйгурском доме всегда окажут радушный прием. Однако они несколько закрыты для «чужих» в плане культуры и социального взаимодействия, особенно в отношении ханьцев. С точки зрения ханьца создается впечатление, что они живут «в своем мире», но при этом они знают толк в торговле и ради выгоды готовы на коммуникацию с «чужаками».

В 1980 году закрытый справочник для советских офицеров Среднеазиатского округа давал уйгурам такую характеристику: «Уйгуры один из древнейших народов Средней Азии, имеют богатую и древнюю культуру... Национальными чертами являются гостеприимство и вежливость. Однако уйгуры очень гибки в обращении с людьми и отнюдь не каждый вошедший в дом уйгура найдет для себя теплый прием. Уйгуры очень суеверны. Они верят в заговоры, колдовство, талисманы, в существование ведьм и домовых. Сосредоточенные и серьезные в

¹ Котов К.Ф. Местная национальная автономия в Китайской Народной Республике. М., 1959.

обыденной жизни, уйгуры при звуках музыки и песни оживляются и с увлечением предаются веселью. Среди уйгуров-мужчин, несмотря на то, что это запрещено мусульманскими законами, широко распространено курение анаши».

Между ханьцами и уйгурами существует не только большая разница в культурном плане, но зачастую – даже неприятие друг друга в повседневной жизни. Уйгуры называют китайцев «кофир», что значит неверный. В воинских частях, где служат уйгуры, а также в университетах, где учатся студенты-уйгуры, обязательно есть столовые халяль. Конечно, эти столовые не только для уйгуров, но и для представителей других национальностей, исповедующих ислам, однако по наблюдениям автора, подавляющее большинство посетителей – именно уйгуры. Причем купить еду в такой столовой можно только по «удостоверению мусульманина». По мнению автора, подобные преференции способствуют, с одной стороны, укреплению уйгурского самосознания, а с другой стороны – дезинтеграции общества в Синьцзяне. Уйгурам разрешено питаться в любых столовых, но на практике они пренебрегают даже есть из той посуды, из которой едят «неверные». Например, если в гостях у уйгурской семьи побывал ханец, то после его ухода они разбивают посуду, из которой ел гость, так как она становится для них мерзостью.

В ханьских блюдах основным видом мяса служит свинина, а в уйгурских – баранина и говядина, причем в отличие от ханьской кухни, в уйгурской преобладают печеные блюда, нан (лепешка), лапша, различные фрукты и сухофрукты. Популярные напитки – чай, молочный или масляный чай.

Уйгуры избегают пользоваться услугами ханьцев-таксистов, предпочитая платить деньги «своим», не уступают представителям этого народа дорогу. Браки между уйгурами и ханьцами являются чрезвычайной редкостью, и даже когда такое

случается, жених или невеста национальности хань обязательно принимают ислам и получают уйгурское имя.

У ханьцев и уйгуров совершенно разные свадебные обычаи. На ханьской свадьбе, как правило, вы не увидите такое количество гостей, какое можно увидеть на свадьбе даже небогатой уйгурской семьи, а свадебные обряды уйгуров намного сложнее, чем у ханьцев. Свадебную обрядность уйгуров условно можно разделить на три этапа – досвадебный, свадебный и послесвадебный.

Свадьбе предшествует сватовство. Сватовство совершается после обоюдного решения молодых вступить в брак. В качестве сватов идут отец жениха и несколько человек из числа уважаемых лиц и старших родственников. Прибыв в дом невесты, сваты сообщают о цели своего визита. Обычно родители соглашаются не сразу, но после уговоров, а иногда и в следующее посещение стороны приходят к согласию. Чаще всего эта процедура носит формальный характер, своего рода дань уважения родственникам. Затем невесте, ее родителям и родственникам дарят подарки – «селик», размер которого определяет сход общины.

За день до свадьбы сторона жениха доставляет продукты для проведения торжества в дом невесты. В этот день вместе с продуктами привозят молодого бычка, на рога которому повязывают белый платок, такой же платок должен быть у невесты в день свадьбы. Накануне свадьбы подружка невесты с матерью идут к родителям молодой с двумя подносами сладостей и с их разрешения уводят невесту к себе домой. Здесь в день свадьбы проводится девичник. Жених также уходит в дом друга, где празднует с друзьями начало свадьбы.

Утром в день свадьбы принимают гостей, сначала мужчин, потом женщин. Днем родственники жениха знакомятся с домом невесты, сдают привезенные продукты. Вечером проводится застолье. Характерная особенность этого застолья заключается в том, что сначала родственники невесты накрывают стол для новых

родственников, затем права хозяев берут на себя родственники жениха и ухаживают за стороной невесты.

Основным момента любой свадьбы является сам обряд бракосочетания – «никах». Молодых привозят в дом невесты, где при свидетелях происходит обряд мусульманского бракосочетания. «Никах» проводит мулла. Молодым дают испить из чаши, где смешаны вода, соль, хлеб и сахар. Соль является символом крепости чувств молодых, сахар – сладкой жизни, хлеб – благоденствия. Считается, что тот, кто первым съест хлеб, будет править в семье. После завершения «никаха» невесту увозят в дом жениха. Она прощается с родителями и получает благословление матери и отца в семейную жизнь.

Наиболее ярким в свадебной церемонии является обряд разжигания костра перед домом жениха, предшествующий вхождению молодой в дом супруга. Молодые, взявшись за руки, три раза обходят вокруг костра. Обряд очищения огнем должен предохранить от невзгод и принести семейное счастье. Он имеет аналогию со старинным обрядом многих тюркских кочевников обводить молодую трижды вокруг костра в юрте ее мужа.

В период после свадьбы молодой супруг с друзьями наносит визит старшим родственникам супруги, которые одаривают его подарками и вещами, необходимыми в обиходе.

Традиции, связанные с рождением и воспитанием ребенка, у ханьцев и уйгуров также различны. У современных ханьцев они более европеизированы, в то время как многие современные уйгуры продолжают исполнять обряды своих предков, причем среди этих обрядов есть как мусульманские, так и языческие.

Согласно обычаю, первого ребенка женщина должна родить в доме матери, а рождение следующих детей происходит в доме отца ребенка. Примерно за три-четыре недели до родов мать молодой идет в дом зятя и просит разрешения забрать

роженицу к себе. После родов все заботы по уходу за ребенком и роженицей ложатся на плечи матери. Считается, что новорожденный и его мать в течение сорока первых дней после родов особо подвергаются действию злых сил и поэтому их нужно оберегать.

Ребенок, как и у других тюркских народов, получает два имени. Первое повитуха произносит тихо, на ухо, оно становится именем домашним. Второе громко через три, пять или семь дней (число должно быть обязательно нечетным) после рождения.

На сороковой день проводится обряд купания ребенка. В кастрюлю кладут соль, сахар, адрасман и монеты. Все присутствующие деревянными ложками вливают воду в кастрюлю из емкости с водой. Каждая женщина, участвующая в этом обряде, должна произнести свое пожелание младенцу. В этой воде, немного подогрев ее, ребенка купают, затем впервые стригут волосы и ногти.

Примечателен обряд перемещения ребенка в колыбель - бишюк. Первые три, пять или семь дней ребенок лежит с правой стороны от матери и только по истечению этого срока ребенка можно перенести в колыбель, где ему и дается его второе имя. В момент переноса ребенка в доме устраивается пышный праздник, на который собирается большое количество народа. Считается, что чем пышнее провести праздник перемещения в колыбель, тем лучше можно отпугнуть злых духов. Вообще большинство важнейших событий в семье отмечается при участии многих членов сельской общины.

В настоящее время во многих семьях возрождается обычай разрезания пут: когда ребенок только начинает ходить, ему треножат ноги, затем уважаемая женщина пожилого возраста разрезает путы. Считается, что после этого ребенок не будет падать и спотыкаться. Обряд сопровождается весельем и угощением для женщин и детворы.

Одним из поучительных древних уйгурских обычаев является закаливание организма младенца холодом. Ханьские вельможи, посетившие еще в II веке до н.э. ставки уйгурских правителей, заметили, что уйгуры зимой бросают детей в снег, а затем закутывают их в тулуп.

Среди уйгуров присутствует и такой мусульманский обряд, как обрезание. Оно совершается в возрасте пяти-семи лет. Обычно пышное торжество устраивается лишь для первого сына. Обряд обрезания совершается в отдельной комнате муллой. Мальчика отвлекают от страха перед обрезанием подарками и деньгами. Само торжество проходит в других комнатах с весельем, музыкой, танцами и песнопением.

В уйгурских семьях существует традиция, согласно которой младший или единственный сын остается в доме родителей, старшие же, обзаведшиеся семьей, отделяются от родителей. Семья основана на патриархальных началах. Дети у уйгуров относятся весьма почтительно к родителям: в присутствии отца сын не садится без разрешения, не курит, дома не ложится первым спать и т. д. Ислам допускает полигамию, но господствующей была и остается моногамная форма семьи. Города Кашгарии были издавна известны оригинальным обычаем оформления браков на короткий срок, который официально оформлялся и расторгался муллой. Мужчина, приехавший в другой город по делам, вступал в брак, а уезжая, расторгает его. Развод вообще не представлял никаких затруднений. В южных оазисах редкая женщина не была замужем несколько раз.

Уйгуры придерживаются и такого старинного обычая, как мяшряп – вечер отдыха. Он начинается поздней осенью и продолжается до весны, собирая в своем кругу мужчин одного возраста, проживающих в одном районе или селе, имеющих общие интересы. Мяшряп – это школа этического и эстетического воспитания. Он выявляет людей одаренных музыкальными или поэтическими способностями,

также он является школой воспитания дисциплины и ответственности перед коллективом. В самом начале собрания его участниками избирается глава, который имеет право назначить музыканта, танцора, повара. Избирается также судья, который может наказать отступившегося члена мяшряпа. Но здесь не только отдыхают и веселятся. Участник таких встреч может почерпнуть для себя много нового и полезного в беседах и обсуждениях различных тем. Может поэтому уйгуры называют невежественного человека «мяшряп кормигэн» (не знавший мяшряп). Также это еще и круг друзей, готовых всегда прийти на помощь, иногда люди одного мяшряпа бывают друг другу ближе родственников.

Среди обрядов самым сохранившимся и консервативным является обряд похорон. Погребение происходит на второй день после смерти. Во время похорон женщины покрывают головы белыми платками. Мужчины в знак траура повязывают белые кушаки. Перед погребением тело покойного обмывают. Для этого назначают четырех человек из родственников и желающих. Омовение считается делом благодатным, поэтому желающих всегда достаточно. У головы усопшего всегда находится родственник по отцовской линии, который руководит действиями остальных и льет воду из кувшина. Остальные распределяются по частям тела, верхнюю омывает один, среднюю – второй, нижнюю – третий. После погребения эти люди получают в память об усопшем его вещи, головной убор, рубашку и обувь. После омовения к телу допускают людей для прощания, открыв при этом лицо. Тело заворачивают в белую ткань, предварительно надев на него сшитую накануне белую рубаху и штаны или платье.

Мать, жена, иногда дочери, распуская волосы и громко причитая, плачут по умершему. Иногда это сравнимо с истерикой, и нередко при этом они царапают лицо до крови. Близкие мужчины тоже плачут, некоторые делают раны на лице или руках. Чрезмерное оплакивание стало уходить в прошлое только тогда, когда

уйгуры стали исповедовать ислам, каноны которого запрещают истеричные оплакивания умерших.

Археологические исследования показывают, что уйгуры еще до нашей эры знали о том, что у человека может наступить как физическая, так и клиническая смерть. Поэтому они по сегодняшний день хоронят людей в двух или многокамерных захоронениях. Надгробную насыпь всегда старались делать, используя тростник, тем самым создавая условия доступа воздуха во внутреннюю камеру. После захоронения родственники покойного в течение семи дней навещали могилу, чтобы удостовериться, что у покойника наступила не клиническая, а физическая смерть. Подобная конструкция захоронения позволяет человеку, захороненному после клинической смерти, прийти в себя в могиле и без особого труда выйти из нее. Поэтому среди уйгуров, в отличие от других национальностей, по сегодняшний день имеется достаточно примеров о возвращении людей с «того света», которые в последующем прожили не один десяток лет.

После похорон проводятся поминки в три, семь, сорок дней и год. До трех дней в доме покойного ничего не готовят, так как еще нельзя разводить огня – считается, что душа покойного витает в доме и может обжечься. Пищу приносят родственники, близкие и соседи. Родные покойного до семи дней ничем не заняты. Они только оплакивают усопшего. Всю работу по проведению похорон и поминок возлагают на себя близкие. До сорока дней в доме покойного горит свет в память о нем. Каждый вечер родные собираются в этом доме, читают молитвы и готовят поминальные лепешки. На годовщину близким родственникам дарят подарки и снимают траур.

Уйгуры – это добрый, отзывчивый и гостеприимный народ с древней историей, богатой культурой и самобытными традициями. Однако большие различия с ханьской культурой и обычаями, а самое главное –

дифференцированный подход китайских властей к гражданам Китая разных национальностей, наделение преференциями одних и ущемление прав других – создают почву для дезинтеграции общества и возникновению межнациональной напряженности.

ГЛАВА 2. СПЕЦИФИКА МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В СУАР

Полиэтничность государств в прошлом и настоящем – это норма, а не исключение, и этнический вопрос во все времена был одним из основных в политике государств, оказывая значительное влияние на развитие общества. Тенденция обострения межэтнических отношений стала особенно заметной после окончания «холодной войны». По статистике, с 1989 г. по 2016 г. в мире произошло 137 крупных вооруженных конфликтов, при этом только 8 из них – традиционные конфликты между государствами, тогда как 129 – практически во всех случаях начинались с межэтнических противоречий внутри стран¹.

Межэтнические отношения имеют социальный характер, так как затрагивают социальный статус, права и интересы, этническое и национальное самосознание взаимодействующих этнических общностей. Межэтнические отношения существуют в разных формах, они касаются проблем сосуществования, взаимодополнения, взаимосвязи, зависимости, ассимиляции, аккультурации, интеграции и разделения и характеризуются противостоянием на основе взаимных претензий и противоречий, которые могут перерасти в вооруженные столкновения и даже переходить в состояние войны.

Для межэтнических отношений в одном определенном регионе большое значение имеет уровень этнической идентичности. Так, 78,7% уйгуров и 71,1% ханьцев в Синьцзяне присущи в высокой степени самосознание и чувство этнической гордости. И лишь у 2,9% уйгуров и 2,2% ханьцев не наблюдается явных проявлений такого чувства².

¹ Global Trends in Armed Conflict, 1946-2016. Center for Systemic Peace. (URL: <http://www.systemicpeace.org/conflicttrends.html#fig3>)

²Ху Янсинь. Государственная этнонациональная политика в Китае и России: сравнительный анализ теоретических подходов и социальных практик (в конце XX – начале XXI вв.). М.: Компания спутник +, 2006.

Ослабление этнической идентичности и укрепление гражданственности – две основные тенденции, которые наблюдаются в сфере урегулирования межэтнических конфликтов мировым сообществом¹.

В настоящее время научный подход к исследованию межэтнических конфликтов базируется на нескольких теориях. Так в Китае где все еще реализуется на практике национальная политика, основанная на теории марксизма – при всей относительности самого понятия «марксизм», принято считать, что причиной возникновения межэтнических конфликтов является различие между народами, а социальные корни – это классовое угнетение и эксплуатационная система. В социалистическом обществе национальный вопрос не исчезает, но преобразуется в иной формат, основанный на принципе развития экономики и культуры прежде угнетаемых или «отставших» народов.

В свою очередь, в противовес данной теории, апеллирующей к исключительной роли экономических факторов на возникновение этнических конфликтов, существует известная концепция «столкновения цивилизаций»² описанная в ряде трудов американским политологом Сэмюэлом Хантингтоном. Согласно ей в мире после холодной войны наиболее важными между людьми стали уже не идеологические или экономические, а культурные различия. Народы и нации определяют себя, используя такие понятия, как происхождение, религия, язык, история, ценности, обычаи и общественные институты. Таким образом, наиболее масштабные и опасные конфликты будут происходить не между социальными классами, а между народами различной культурной идентичности, в самом широком смысле совпадающей с идентичностью цивилизации. Внутри

¹ Лэй Жао. Мировой национальный вопрос: изменения, новые тенденции, новые влияния (URL: <http://people.com.cn>).

² Сэмюэл Хантингтон. Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка. Мидгард: АСТ, 1996.

цивилизаций будут случаться межплеменные войны и этнические конфликты. Столкновения и вспышки насилия между странами различной цивилизационной принадлежности будут нести в себе существенный потенциал эскалации, так как будут чреваты втягиванием в конфликт близких по культурным маркерам народов. Так к примеру, СУАР, находящийся согласно классификации Хантингтона на изломе синской и исламской цивилизаций станет одним из примеров «войн по линии разлома». Из чего ученый делает вывод, что в Синьцзяне уйгуры и другие мусульманские группы будут вести борьбу против китаизации и стремиться к углублению отношений со своими этническими и религиозными собратьями в бывших советских республиках.

2.1. Особенности развития межэтнических отношений в Синьцзяне

Отношения между народами Синьцзяна складывались в зависимости от политики, проводимой властью. Направление политики и отношение правящей элиты к тем или иным национальным меньшинствам, создали основу межэтнических отношений в прошлом и продолжали формировать их векторы в дальнейшем.

Как уже говорилось, основные отношения в СУАР выстраиваются между ханьцами и уйгурами. Можно выделить несколько этапов в истории этих отношений:

I. 1755–1912 годы. Период правления Цинской династии. Династия Цин проводила политику «разобщения» меньшинств, не специально и целенаправленно, а, можно сказать, спонтанно, не задумываясь о последствиях.

В 1884 году был создан и официально утвержден район Синьцзян. Этнические группы, проживавшие в пределах района, не стремились к объединению, что совпадало с интересами правящей династии, – во избежание

всплесков мятежей и бунтов в регионе и в государстве в целом. Конфликтов на этнической почве в этот период в истории не было зафиксировано. Но немаловажными являются исторические факты, которые иллюстрируют национально-освободительное движение мусульманских народов Синьцзяна 60-70-х годов XIX века против китайского правления. Согласно «Записке по поводу восстания дунганей в Западном Китае, составленной г.г. Гейнсом и Гутковским», дунгане и уйгуры, объединившись по религиозным взглядам, организовали восстание мусульманских народов против «китайского гнета». Мусульманское духовенство дунган объявило маньчжурам «Священную войну» и призвало всех мужчин идти на войну, а население – жертвовать своим имуществом¹.

II. 1912–1928 гг. С революционной сменой власти главой Синьцзяна стал Ян Цзэнсинь — бывший комиссар по судебным делам (при династии Цин). Ян Цзэнсинь, продолжая национальную политику Цинской династии, осуществлял стратегию разъединения. Каждая группа продолжала жить в своем районе и провинции, не взаимодействуя с другими в сколько-нибудь широких масштабах. Ян Цзэнсинь пользовался успехом в регионе, который еще больше возрос после ряда проведенных им реформ. По отношению к элитам национальных меньшинств он использовал систему поощрений и льгот. Ян Цзэнсинь поддерживал оставшихся после Цинской династии титулованных представителей аристократии, сохранив их прежние привилегии и условия жизни, рекомендовал некоторых в парламент и др. Таким образом, с помощью этнической элиты Цзэнсинь заручился поддержкой всего населения. Учитывалось также важное значение религии в регионе, и поэтому политика поощрений распространялась и на религиозную верхушку. Ян Цзэнсинь выделил роль ахунов и других религиозных деятелей и наделил их

¹ Кушнерик Р.А. О восстании дунган в Западном Китае и в Синьцзяне в 60-е гг. XIX в. (по материалам записки А.К. Гейнса и К.К. Гутковского). Сибирь и Центральная Азия: проблемы этнографии, истории и международных отношений / Третьи научные чтения памяти Е.М. Залкинда: Материалы международной научной конференции 18 мая 2007 г. / под ред. В.А. Моисеева. Барнаул: Аз Бука, 2007.

особыми правами. Многим предоставлялась возможность участвовать в рассмотрении гражданских дел между простым населением. Таким образом, Ян Цзэнсинь, понимая значение групп влияния, проводил необходимую ему политику и имел огромную поддержку в регионе. К тому же, стоит отметить, что экономическая ситуация имела существенную тенденцию к росту: на этот период приходится не только процветание региона, но и стабильность и гармоничность в отношениях между этническими группами.

III. Политика Цзинь Шуженя. С приходом новой власти после Ян Цзэнсиня в регионе наметился обратный, во многом противоположный путь. Восстанавливая армию, Цзинь Шужень снова обложил налогами население, лишил титулов и привилегий аристократию и религиозную элиту, что создавало напряженную ситуацию. Кроме того, период правления Цзинь Шуженя известен первым жестоким межэтническим столкновением в новой истории Китая. В 1931 году произошел так называемый Сяобаоский инцидент, когда уйгурскую девушку против ее воли попытался взять в жены выходец из Хами ханьского происхождения. Данный случай стал запалом для межэтнического конфликта. В отместку уйгурские мятежники убили большую часть взрослых мужчин в крае Тулуху и выгнали их семьи (более ста семей, выходцев из Ганьсу). Всеобщее недовольство и распространение слухов, разжигающих межэтническую войну, повлекли за собой не только обострение межэтнических отношений и смену власти, но и большое число жертв среди ханьского населения.

Инцидент в Южном Синьцзяне спровоцировал массовые вооруженные восстания против режима Цзинь Шуженя, но в дальнейшем развитии событий мятежи приобрели религиозный характер, чем и напоминали «священную войну». Основные столкновения в регионе происходили между мусульманами и немусульманами. Предводители восстания своей общей целью считали создание независимого исламского государства, и в 1933 году в Кашгаре была

провозглашена Исламская республика Восточного Туркестана. Она просуществовала недолго, но навсегда оставила след в истории Синьцзяна как первый значимый раскол на религиозной почве и знаменовала собой зарождение идей «религиозного» сепаратизма и первое проявление политизации религии в обществе, что способствовало разобщению между народами.

Шэн Шицай (губернатор Синьцзяна с 1933 по 1944 год), будучи в то время поклонником политики, проводимой СССР, придя к власти, столкнулся со многими не решенными предыдущим правительством проблемами в регионе, в том числе и с напряженной межэтнической ситуацией. Заручившись поддержкой СССР, Шэн Шицай пытался стабилизировать ситуацию и устранить недовольство среди населения, но его усилия не принесли результатов. Межэтническая ситуация оставалась нестабильной и приобретала новые очертания. Так, в начале 1940-х годов вспыхнул вооруженный протест казахов против их эксплуатации. По всей территории Синьцзяна прокатились массовые восстания, основной канвой которых были сепаратистские настроения и «освобождение от колониального господства ханьцев».

IV. 1949–1955 гг. С момента объединения Китая и провозглашения Китайской Народной Республики (1949) руководители государства поставили задачу разработать новую политическую систему, восстановить экономику, преодолеть влияние старой власти, подавить организованные мятежи и стабилизировать отношения между народами. Для СУАР данный период является переходным, в частности с точки зрения национальной политики. С осуществлением реформ в духе «марксизма-ленинизма» был устранен режим национального гнета и «классовой эксплуатации». Проводилась политика сплочения, взаимопомощи и равноправия всех национальностей. Правительство приняло ряд мер, направленных на развитие и поддержку национальных меньшинств. В 1955 году согласно утвержденной системе национальной районной

автономии, в соответствии с положением уйгуров и других национальностей региона, была создана автономия провинциального уровня: учитывая мнения большинства населения (основную часть которого составляли уйгуры), был утвержден вариант ее названия – Синьцзян-Уйгурский автономный район.

V. 1955 – 1968 гг. Период относительной стабильности межэтнических отношений в СУАР. Единственный инцидент произошел в апреле 1962 года в Или-Казахской автономной области Синьцзяна, когда более 60 тысяч казахов, уйгуров и ханьцев бежали из Китая в СССР. В начале 1962 года СССР утвердил для жителей приграничной части КНР своего рода «сертификаты подданства» и стал проводить массовую пропаганду, побуждавшую население, в частности приграничного СУАР, на переезд в СССР. Этот шаг был предпринят Советским Союзом в период ухудшения советско-китайских отношений и, по мнению китайских исследователей, был направлен на дестабилизацию ситуации в приграничном регионе Китая.

Экономическое положение и уровень жизни в КНР того времени были неблагоприятными, и начались массовые переезды на территорию СССР, которые были больше похожи на бегство. 22 апреля 1962 года на приграничном пункте Хоргос наплыв желающих покинуть КНР привел к столкновениям между жителями и сотрудниками пограничной службы. СССР направил транспорт для перевозки переселенцев, продолжавшейся еще три дня. Выехавшие уже не имели права вернуться на территорию КНР. По другой версии, правительство КНР специально воспользовалось конфликтной ситуацией, не исключая возможности несколько «разгрузить» слабую экономику. Отметим, что причиной инцидента не были межэтнические отношения, что характеризует данный период как «период игнорирования этнической самоидентификации представителями нацменьшинств».

VI. 1968–1978 гг. – период Культурной революции в КНР, который считается «золотым временем» для межэтнических отношений в СУАР: в это время в регионе не произошло ни одного крупномасштабного инцидента.

VII. 1978–1989 гг. После Культурной революции правительство КНР взяло курс на реформирование экономики в сторону рыночной модели. Необходимо было исправить ошибки и перегибы, допущенные в этот период, в том числе касающиеся и нацменьшинств, что способствовало росту этнического и религиозного самосознания неханьского населения СУАР. Уйгурская политическая элита, увидев потенциальную возможность создать независимое государство, выдвинула требования, которые вышли за рамки политики этнической автономии СУАР. В 1980-х годах в разных частях региона вспыхивали беспорядки, которые дестабилизировали социальную ситуацию. Отношения между ханьцами и уйгурами в то время становились напряженными и постепенно перерастали в конфронтацию. Таким образом, уйгурские лидеры буквально вынудили центральное правительство на ряд выгодных для них решений, касавшихся экономической и культурной политики в СУАР. Но Компартия продолжала курс на укрепление национального единства, пропаганду сплочения и солидарности народов СУАР и КНР в целом, начиная с воспитания в детских садах, школах и университетах.

VIII. С 1989 года по настоящее время межэтнические отношения в СУАР остаются напряженными, нарастают сепаратистские движения, увеличивается число действий террористического характера.

Знаковые события этого периода.

Бунт в деревне Барен в 1990 году. Этот инцидент китайские средства массовой информации называли контрреволюционным восстанием (мятежники использовали оружие, выкрикивали исламистские лозунги). Происшествие в Барэн

ознаменовало начало нового этапа межэтнических конфликтов и сепаратистской деятельности в регионе. Народно-освободительная армия Китая подавила восстание, однако итогом этого стала гибель 22 человек. Мнения о причинах восстания расходятся: некоторые считают, что мятеж был вызван смещением правительством популярного муллы, другие – что причиной столь жестких мер со стороны властей были нападения уйгуров на офицеров полиции.

Кульджинский инцидент. 5 февраля 1997 г. в административном центре Или-Казахского автономного округа СУАР, в городе Кульджа, возникли волнения уйгур, причиной которых послужили ограничения со стороны китайских властей деятельности мэшрэпов и арест их лидеров. Мэшрэп (мешреб, машраб) – традиционная общинная структура уйгуров; изначально мэшрэпы играли социально-политическую роль в жизни этнической группы, на собраниях которых решались все проблемы и вопросы общин.

5 февраля 1997 г. молодые люди, члены мэшрэпа, выразили протест, организовав митинг численностью в несколько сот человек. Полиция попыталась разогнать митингующих, но ситуация переросла в беспорядки. С этого времени мэшрэпы в КНР запрещены.

Многие инциденты в СУАР, по официальным данным, происходили не спонтанно. Каждый митинг уйгурские организаторы обосновывали дискриминацией уйгуров – арестами их лидеров. Например, случай жестокого этнического столкновения в феврале 1997 года назван уйгурскими лидерами реакцией на арест сотни уйгурских студентов китайскими властями. Но месть уйгуров, с точки зрения властей, была спланирована Восточно-Туркестанской партией Аллаха, представители и члены которой вели активную пропаганду и агитацию антиправительственных идей. Так, тысячное собрание уйгуров организовали демонстрацию в Или против присутствия ханьцев на их (уйгуров)

территории. Митинг перерос в массовые беспорядки, митингующие нападали на ханьцев, уничтожали их дома и имущество. Бунты в городе продолжались два дня.

Межэтнические конфликты и террористические акты участились во второй половине 2000-х годов, когда к начавшей доминировать в мировой практике политике «двойных стандартов» в отношении террористов (особенно в тех случаях, когда тактика террора сочеталась с этническим сепаратизмом) добавилось обострение этнической конкуренции, порожденной финансово-экономическим кризисом 2007 – 2009 годов. В 2008 году в СУАР было зафиксировано восемь акций, квалифицированных как «террористические», в 2011 году – четыре террористических акта, в 2012 – три, в 2013 – 10, а в 2014 – 11 террористических актов¹.

В 2008 г. в Синьцзян-Уйгурском автономном районе произошло несколько инцидентов на этнической почве. В конце марта 2008 г. на западе СУАР прошли антиправительственные выступления, организованные представителями уйгурского населения. Центром собрания демонстрантов стал базар в Хотане. К сожалению, вся официальная информация о данном инциденте была заблокирована властями. Протесты в Хотане и в регионе Каракаш Синьцзяна по времени совпали с аналогичными волнениями в соседнем Тибете, однако были вызваны в основном местными причинами, одной из которых была смерть в полицейском участке бизнесмена и мецената Муталлипа Хаджима, а другой – запрет на ношение женщинами-мусульманками платков. По сообщениям СМИ, 18 марта 2008 года террористка-мусульманка подложила бомбу в городском автобусе в столице автономного района Урумчи. Этот факт не признан китайскими

¹ Сыроежкин К.Л. Синьцзян: большой вопрос для Китая и Казахстана. Алматы: ИМЭП при фонде Первого Президента, 2015.

властями, однако информацию о нем распространила газета «International Herald Tribune»¹.

Так как события в СУАР совпадали с ситуацией в Тибете по времени, правительство Китая связало их и сделало вывод о том, что тибетские волнения вдохновляют сепаратистов Синьцзян-Уйгурского автономного района.

4 августа 2008 г. двое неизвестных напали на полицейский пост недалеко от Кашгара. Были подорваны два самодельных взрывных устройства, 16 полицейских были ранены, 16 – погибли от ножевых ранений. 10 августа в результате взрывов в различных отделениях полиции на севере Синьцзяна в городе Кучар и некоторых офисных зданиях погибли 12 человек, количество пострадавших неизвестно. 12 августа 2008 г. в городе Яманья произошло нападение на гражданских охранников, трое погибли от ножевых ранений, личности нападавших уполномоченные органы не раскрывают.

Официально все события связываются с уйгурскими экстремистами, которые хотели дестабилизировать ситуацию в стране в ходе Олимпиады-2008 в Пекине.

Самый громкий инцидент на межэтнической почве произошел 5 июля 2009 г. в столице СУАР Урумчи. По официальной информации, причиной массовых беспорядков стал конфликт между рабочими из Синьцзяна и других регионов, на одном из предприятий в г. Шаогуань провинции Гуандун. В результате столкновений на заводе было много пострадавших (около 120 человек), и 2 выходца из СУАР (уйгуры) скончались в больнице. Это вызвало негодование и радикалистские призывы среди уйгуров; в сети Интернет распространялись подстрекательские призывы к восстанию против гнета и дискриминации уйгурского народа. Попытки полиции разогнать митинг, в котором участвовали

¹ Ванюков Д.А., Веселовский С.П. Непризнанные государства. М.: Книжный Клуб Книговек, 2011.

около 1000 человек, привели к массовым беспорядкам, которые сопровождались поджиганием автомобилей, домов и убийствами ханьцев. По официальным данным, 184 человека были убиты (по неофициальным около тысячи), сожжено 627 автомобилей и нанесен ущерб более чем 633 зданиям. Предполагаемые виновники были арестованы полицией и понесли разного рода уголовную ответственность (длительные и пожизненные сроки заключения, смертная казнь). Это был самый масштабный случай межэтнического конфликта за всю историю существования КНР.

Политика руководства КНР, основанная на предоставлении политических прав и свобод в зависимости от национальной принадлежности, приводит к конфликтам и национальной дифференциации. Безусловно, культурная идентичность и национальное самоопределение должны быть важной составляющей политики государства, но не реализовываться в виде предоставления политических привилегий всем национальным меньшинствам в ущерб титульной нации хань.

Реализация региональных постановлений и политики, проводимой в отношении этнических автономий (административно-территориальных единиц Китая) местными органами власти, является политическим компромиссом. С одной стороны, Коммунистическая партия должна выполнять свои исторические обещания, соблюдать принципы национального самоопределения, а с другой – центральное правительство вынуждено опасаться сепаратистских настроений этнических и религиозных меньшинств, в основе которых лежит стремление сохранить свою культурную самобытность и этнокультурное достоинство.

2.2. Современная этническая политика Китая в отношении СУАР

При изучении межэтнических отношений и национальной политики КНР необходимо предварительно определить основные понятия и категории, связанные с этнической политикой КНР. Китайские исследователи часто затрагивают тему этнических групп, народов и наций, имея порой оригинальные представления об этих вопросах. Так, относительно понятия «Китайская нация» («Чжунхуа миньцзу») Ма Жун считает, что в Китае имеется «56 миньцзу», то есть этнических групп. В книге «Нация и общественное развитие» на основе комплексного анализа с точки зрения концепции этнической группы, нации, государства, рассмотрена логическая связь между ними. Нин Цао также различал понятия государства, нации-согражданства, нации и этнической группы¹. В целом же в китайской научной мысли отдается предпочтение понятию «этническая группа». Данные понятия возникли как на основе переводов зарубежных текстов, так и на почве дискуссий в мировой науке, которые активно разворачивались в конце XX века вокруг понятия «нация», его характеристики и определения.

Этнические процессы и развитие государственной этнической политики в своем взаимодействии закладывают процесс нациестроительства, успех или неудача которого определяются способностью политической элиты предложить разным этническим общностям общие цели и создать реальные условия и институты межэтнической консолидации².

Несколько обобщенно можно сказать, что этническая политика Китая разделена на различные сферы воздействия и взаимодействия:

¹Ху Янсинь. Государственная этнонациональная политика в Китае и России: сравнительный анализ теоретических подходов и социальных практик (в конце XX – начале XXI вв.). М.: Компания спутник +, 2006.

² Кузнецов А.М. Этнонациональная политика и современные проблемы нациестроительства в Китае: монография. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2010.

- отношение государства к этническим группам в сфере политики;
- отношение государства к этническим группам в сфере экономики;
- отношение государства к этническим группам в социальной сфере (в том числе урегулирование межэтнических отношений);
- отношения (взаимодействия) государства и национальных меньшинств;
- отношения государства и титульной нации – хань;
- место государства и его влияние в системе «государство – ханьцы – этнические группы».

Этническая политика оказывает ключевое влияние на межэтнические отношения и отношения национальных меньшинств к государству и является политическим инструментом их регулирования.

Было время, когда жители Синьцзяна не имели даже права называться именем своей национальности. Их язык преследовался, стремление к развитию национальной культуры безжалостно подавлялось. Политика гоминьдановского режима в отношении малых народностей состояла в том, чтобы устранять среди них зачатки всякой государственности, игнорировать их культуру и язык, держа народ в невежестве. Результатом такой политики стали неразвитость и политическая отсталость национальных меньшинств, их полнейшее бесправие. Основная масса населения Синьцзяна была неграмотна. Средние учебные заведения исчислялись единицами, высших учебных заведений почти не было¹. Но такое положение нац. меньшинств не характерно для всей страны. Многое зависело от правителя, политического лидера, курса проводимой им государственной политики.

¹ Котов К.Ф. Местная национальная автономия в Китайской Народной Республике. М., 1959.

Этническая политика в Китае формировалась на протяжении многих веков. С древних времен Китай был интересен разным народам, как завоевателям, так и кочевникам, которые переходили на оседлый образ жизни, добравшись до границ Поднебесной. Древнейшая цивилизация, привлекая на свои территории чужеземцев, должна была выстроить гармоничную политическую систему – систему национального взаимодействия и сосуществования, которая способна была регулировать отношения государства и других народностей. Ханьцы (китайцы) – этнос, особый исторически возникший тип социальной группы, особая форма коллективного существования людей. Такая общность складывается и развивается как бы естественно-историческим путем; она не зависит непосредственно от воли отдельных входящих в нее людей и способна к устойчивому многовековому существованию за счет самовоспроизводства¹.

До того, как Китай стал многонациональным государством, территория империи была заселена главным образом ханьцами. Там преобладала единая культура, язык, верования, формировались свои традиции и пр. Все пришлые народы, неханьское население, считались «варварами». Со временем некоторые их представители ассимилировались с китайским населением, некоторые «китаизировались», приняв только язык, другие выбрали вариант «законного сосуществования», сохраняя тем не менее свои культурные традиции и самобытность, что поощрялось властями. Таким образом, этническая политика в Китае возникла как ответ на расширение границ, завоевания, приход новых этнических образований, их добровольное вхождение в состав государства.

Национальная ситуация в Китае всегда отличалась сложностью, в частности в плане межэтнических отношений. Несмотря на притягательную силу китайской культуры (в самом широком смысле), отношения неханьцев с ханьцами не были

¹ Ю.В. Бромлей. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. М.: Наука, 1987.

гладкими. В условиях подобной ситуации КПК была вынуждена начать разработку национальной политики. Следует обратиться к нескольким этапам в ее построении.

Особенность позиции КПК по национальному вопросу в 1920-е и последующие годы заключалась в том, что, с одной стороны, она складывалась под влиянием всего того, что имело в данной сфере в Советском Союзе, а с другой стороны, она противостояла политике Китайского Гоминьдана и установкам, которые выдвигались Сунь Ятсеном, в первую очередь отторжения им идеи федеративного устройства.

Позиция КПК по вопросу о самоопределении национальностей и федерации получила новое развитие в 1930-е годы. Так в резолюции принятой I Съездом Советов рабочих, крестьянских и солдатских представителей (1931), предусматривалась троякая форма реализации права неханьских народов на самоопределение: выйти из Китайской Советской Республики (КСР) и создать собственное государство, войти в Советскую Федерацию или же создать автономные районы в пределах КСР. Однако после начала широкомасштабной японской агрессии в Китае, КПК, учитывая отрицательную позицию Гоминьдана в отношении принципа самоопределения национальностей резко поменяла свои программные требования по национальному вопросу. О самоопределении и федерации речи уже не было. Зато акцентировалась установка на единство и сплоченность.

После прихода к власти Мао Цзэдуна национальный вопрос необходимо было решить согласно программным обещаниям партии. Период становления национальной политики КНР длился относительно долгое время. На первом этапе – с 1949 по 1957 гг. учеными проводились широкомасштабные исследования, касающиеся идентификации различных этносов. Население заявляло о своей принадлежности к различным народам, которых насчитывалось около 400.

Китайское правительство способствовало проведению исследований по поиску и идентификации малых этнических групп. Так, до 1949 года насчитывалось лишь 12 этнических групп: хань, монголы, дунгане, тибетцы, уйгуры, мяо, корейцы, маньчжуры, яо, ли, гаошанья, коренные жители Тайваня. С 1950 по 1954 год были идентифицированы еще 27: чжуан, буи, дун, бай, казахи, хани, дайцы, лису, ва, дунсян, наси, лаху, шуй, качины, киргизы, ту, таджики, узбеки, татары, эвенки, баоань, цян, салары, русские, сибо, желтые уйгуры, ороконы. В промежутке между 1954 и 1978 годом список был пополнен еще 16 национальностями, такими как: туцзя, шэ, дауры, мулао, буланы, гэлао, ачаны, пуми, ну, бэнлун (впоследствии переименованы в палаунг), вьеты, дулуны, нанайцы, мэньба, маонань, лоба. И наконец в 1979 году к ним была добавлена еще одна национальность – дино. Таким образом, все 56 национальностей, проживающих на территории КНР были окончательно идентифицированы только в 1979 году.¹

С 1949 года Китай провозгласил себя государством, которое служит для народа, выражая его интересы. По отношению к национальным меньшинствам политика государства декларировалась как направленная на равноправие. В Конституции Китая обозначено, что все этносы равны и имеют одинаковые права. Но при детальном анализе национальной политики различных национальных регионов видно, что государство более благосклонно к национальным меньшинствам, нежели к титульной нации – ханьцам. Этнические группы Китая на законодательном уровне не только автономий, но и общегосударственном, имеют ряд особых прав, привилегий и льгот, которые подчеркивают их особое положение в стране.

¹ CNPolitics (政见). Инфографика: 56 национальностей Китая. (读图识政治) 图解中国五十六个民族. [Электронный ресурс] <http://cnpolitics.org/2012/05/56-ethnic-groups>

Государство не скрывает протекционистской направленности своей политики по отношению к национальным меньшинствам. Проявляя иногда «чрезмерную заботу», власти одновременно хотят осознания со стороны автономий их зависимости от центра. Но некое послабление создает для отдельных этнических групп мотивы к переосмыслению своего места в государстве.

Этническая политика формировалась на протяжении всей истории существования государства – деформируясь и меняясь благодаря политикам и авторам, которые сменяли друг друга. «Авторы политики» – это главные государственные деятели, политические элиты, формальные и неформальные лидеры. В свою очередь, цели новых этнических элит, претензии на территорию и власть, облеченные в форму борьбы за самоопределение и национальные права, выглядят респектабельно и заслуживают международную поддержку¹.

Непосредственной реализацией этнической политики занимаются различные органы власти, например Государственный комитет национальностей, Комиссия национальностей Всекитайского собрания народных представителей и др.²

Основной составляющей этнической политики КНР в практическом ее применении является система национальных автономий. Национальные автономии, по мнению китайских властей, являются идеальным вариантом разрешения межэтнических противоречий и разногласий. В теоретическом смысле данная политика, возможно, и подает большие надежды, но практика, к сожалению, показывает не такие уж светлые перспективы.

¹ Конфликты на Востоке: Этнические и конфессиональные: Учеб. пособие для студентов вузов / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Аспект Пресс, 2008.

² Кузнецов А.М. Этнонациональная политика и современные проблемы нациестроительства в Китае: монография. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2010.

В новейшей истории Китая династия Цин долго проводила политику изоляции народов друг от друга, чтобы предотвратить их объединение против Цин. В 1912 г. национальная революция, возглавляемая Сунь Ятсеном, попыталась «изгнать манчжуров и восстановить Китай», положив конец 267-летнему чужеземному правлению в Китае. В результате была создана Китайская Республика. До 1949 г. правительство Китая не признавало существования национальных меньшинств и проводило политику ассимиляции. В 20-х годах XX века в Китае началась гражданская война. Коммунисты Китая позаимствовали национальную идеологию СССР, которая провозглашала этническое равноправие, право на национальное самоопределение и автономию районов проживания национальных меньшинств, свободу вероисповедания, уважение и развитие языков национальных меньшинств, критиковала, так называемый, ханьский шовинизм. Это помогло коммунистам создать единый политический фронт, выиграть в гражданской войне и одержать победу на выборах в 1949 г.

Нынешняя этническая политика Китая направлена на поддержание национальных меньшинств, основана на национальной теории «марксизма-ленинизма» в сочетании с национальными особенностями Китая. Марксизм-ленинизм учит, что полное решение национального вопроса возможно лишь при социализме, когда уничтожается не только правовое, но и фактическое – экономическое и культурное – неравенство наций¹.

Конституция КНР гласит, что все нации равны, государство обеспечивает защиту законных прав и интересов национальных меньшинств, поощряет равноправие, единство и взаимопомощь между национальными меньшинствами, запрещается дискриминация и притеснение наций.

¹ Зазерская З.И. Марксистско-ленинские принципы разрешения национального вопроса как основа национальной политики Коммунистической партии Китая (1949 – 1952 гг.). Автореф. дисс. канд. истор. наук. Л., 1954.

После масштабных беспорядков 5 июля 2009 г. в г. Урумчи, 27 сентября 2009 года Информационное бюро Госсовета КНР опубликовало Белую книгу «Китайская этническая политика, общее развитие и процветание всех этносов», в которой говорится, что Китай принимает правовые, административные и экономические меры для ликвидации последствий этнической дискриминации, способствует единству всех этнических групп; запрещается любая этническая дискриминация и угнетение национальных меньшинств, разрушение общенационального единства, сепаратистская деятельность. Национальное единство является ключом в решении межэтнических разногласий.

По отношению к СУАР проводилась и проводится политика, направленная на становление этнического равноправия, в частности на оптимальное развитие отношений между уйгурами и ханьцами. Однако, чем успешнее реализуются принципы межэтнического равноправия, провозглашенные в Конституции, тем напряженнее становятся отношения между этническими группами, в основном между ханьцами и уйгурами – от спокойных и достаточно гармоничных перерастают в конфликты, особенно после начала реформ 1978 г., которые были направлены на поддержку национальных меньшинств. С их помощью удалось пробудить самосознание национальных меньшинств, но это способствовало и росту устремлений к национальному самоопределению, а в случае с СУАР стало причиной отделения и отчужденности этносов, ухудшения межэтнических отношений, этнического сепаратизма.

Принятая китайским правительством национальная политика провозглашает три принципа: равноправие, единство и взаимопомощь, позаимствованные из идеологии СССР. Равноправие является главным, фундаментальным принципом в политике Китая с 1949 года и до сегодняшнего дня. В результате в Китае, в том числе в СУАР, каждый народ ощущает себя отдельной нацией, а не единой китайской общностью. Чтобы обеспечить принцип равноправия, китайское

правительство приняло ряд мер по созданию благоприятных условий для национальных меньшинств: они распространяются в сфере экономики, образования, социальной, судебной сферах и пр.

Однако стоит отметить, что в реальности баланс равноправия и единства нарушен, и если много внимания уделяется равноправию, становится все сложнее сохранить единство нации, роль которого стала, по большому счету, чрезвычайно незначительной. Существует не один исторический пример того, как государства, ставившие перед собой в приоритет ценности равенства и пренебрегая при этом единством, распадались (Советский Союз, Югославия).

В результате проводимой политики практически не заключаются браки между представителями разных этнических групп, ибо это не приветствуется. Такие браки – это единичные случаи, при этом культура и религия уйгуров доминирует в межнациональных браках. Мусульманин не может принять другую веру, а «неверующий» обязан принять ислам перед тем, как вступить в брак с мусульманином (мусульманкой), соответственно при принятии ислама «новому» верующему дается новое имя, от которого он не вправе отказаться или сменить его. Заключение брака в исламе («никах») в первую очередь проводится в соответствии с законами шариата, а потом уже на официальном гражданском уровне.

Кроме того, не редки случаи, когда представители титульной нации хань, чтобы получить больше льгот, стремятся изменить свою национальность на уйгурскую или другую.

Если проводить параллель с Россией, где процент межнациональных браков и браков между представителями разных религий заметно выше, в конечном итоге это не сказывается в пользу существования всеобъемлющего единства. Наоборот в некоторых ситуациях это приводит даже к частичной дискриминации нетитульной нации в национальных республиках и, зачастую реакцией на это становится

существование националистических группировок. В КНР же данная проблема прослеживается более четко.

2.3. Факторы, формирования и развития межэтнических отношений в СУАР

При исследовании феномена межэтнических отношений необходимо проанализировать общую, социальную категорию — отношения, взаимоотношения. Отношения между индивидами возникают из-за определенных потребностей одной стороны (или же обоюдно), поэтому причины могут быть и социопсихологические — потребность нахождения индивида в обществе как основы его существования; экономические — возможность выживания и сотрудничества ради материальных благ; историко-политические — необходимость в выстраивании отношений на одной территории под едиными нормами и законами.

Сущность взаимоотношений всегда основывается на определенных причинах наряду с объективными возможностями. Из этого следует ряд предположений, например, сложилось исторически так, что одним группам, которые занимаются животноводством и производят сельскохозяйственные продукты, выгодно делить территорию с теми, кто у них это сырье приобретает и производит другую продукцию. Экономическая выгода в этом случае очевидна. Или демографический фактор: например, народы с низкой рождаемостью «приглашают» на свои территории народы с высокими показателями рождаемости в надежде исправить демографическую ситуацию (если это подразумевает эффективную ассимиляцию), но это может давать и отрицательный эффект, если ассимиляция не происходит.

Состояние нации и этнической общности и их характер определяются направленностью и интенсивностью связей и отношений, существующих внутри таких общностей и с их внешним окружением (других общностей и институтов)¹.

Отношения между индивидами могут отождествляться и перерастать из межличностных в межгрупповые. В межгрупповых отношениях не устанавливается непосредственного взаимодействия, например, в силу взаимной неприязни, резких культурных, религиозных различий.

Отношения как классическое понятие строятся и развиваются на социально-психологической основе. Исходя из этого, можно провести логическую цепь возникновения отношений, в частности межэтнических. Межэтнические взаимоотношения зависят от уровня этнической идентичности и этнического самоопределения, которое, в свою очередь, также зависит от различных факторов. Согласно исследованиям Т.Г. Стефаненко², из всех близких по значению понятий, удачным будет наиболее широкий термин – «межгрупповые отношения». Очевидно, что межгрупповые отношения – это отношения между группами, в том числе между этническими общностями, то есть отношения, объектом и субъектом которых являются группы.

Часто идентификация возникает на основе конфликтных ситуаций, и в этот момент она может принять этнический и религиозный характер. Некоторым народам сплоченность свойственна на культурно-религиозном уровне, а не собственно на этнической основе. В современном мире наблюдается тенденция к оказанию взаимопомощи и сплоченности со стороны религиозной группы

¹ Кузнецов А.М. Этнонациональная политика и современные проблемы нациестроительства в Китае: монография. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2010.

² Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению и специальностям психологии. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Аспект Пресс, 2013.

мусульман, где идентификация осуществляется в первую очередь не по этническому, национальному, а по религиозному принципу. Вопрос сплоченности в исламе является феноменом ментальным и традиционно заложен в сознании приверженцев ислама.

Часто межгрупповые и межэтнические отношения рассматривают с точки зрения конфликтологии. В отношениях групп всегда есть скрытый конфликтогенный потенциал. При сосуществовании кардинально отличающихся друг от друга этносов высока вероятность возникновения реальных конфликтов, если вмешиваются другие, вполне материальные факторы.

Среди факторов, которые оказывают непосредственное влияние на ситуацию в развитии отношений между представителями различных национальных меньшинств, выделяются следующие.

Экономические факторы. Сущность межэтнических отношений проявляется прежде всего в противоречиях и компромиссах в ходе борьбы за распределение ресурсов, что, в частности, отражается в структуре производства и разнице доходов. Между СУАР и другими провинциями Китая, а также между Севером и Югом СУАР существует существенная разница в уровне социально-экономического развития, и она часто используется как аргумент сепаратистскими движениями.

С 1978 года, выбрав путь рыночной экономики, государство постепенно утратило часть важных административно-регулирующих инструментов при предоставлении льгот и обеспечении интересов этнических меньшинств. В настоящее время большинство уйгуров занято в сельском хозяйстве (75,1% уйгуров против 36,8% ханьцев) и мелкой торговле¹, так как из-за ограниченного уровня

¹ Лю Ян Сюнь. Между уйгурами и ханьцами в г. Урумчи с 1949/ China News Weekly, 2014.

владения китайским (государственным) языком, низкого образования и недостаточной профессиональной подготовки, а также в силу многодетности семей, уйгуры, по сравнению с ханьцами, оказываются неконкурентоспособными и не адаптированными к рыночной экономике. Как результат, уровень доходов уйгуров по-прежнему отстает от уровня доходов ханьцев, а уровень безработицы среди них выше, несмотря на многочисленные меры, принимаемые правительством и местными властями СУАР для поддержки и стимулирования социально-экономического развития национальных меньшинств.

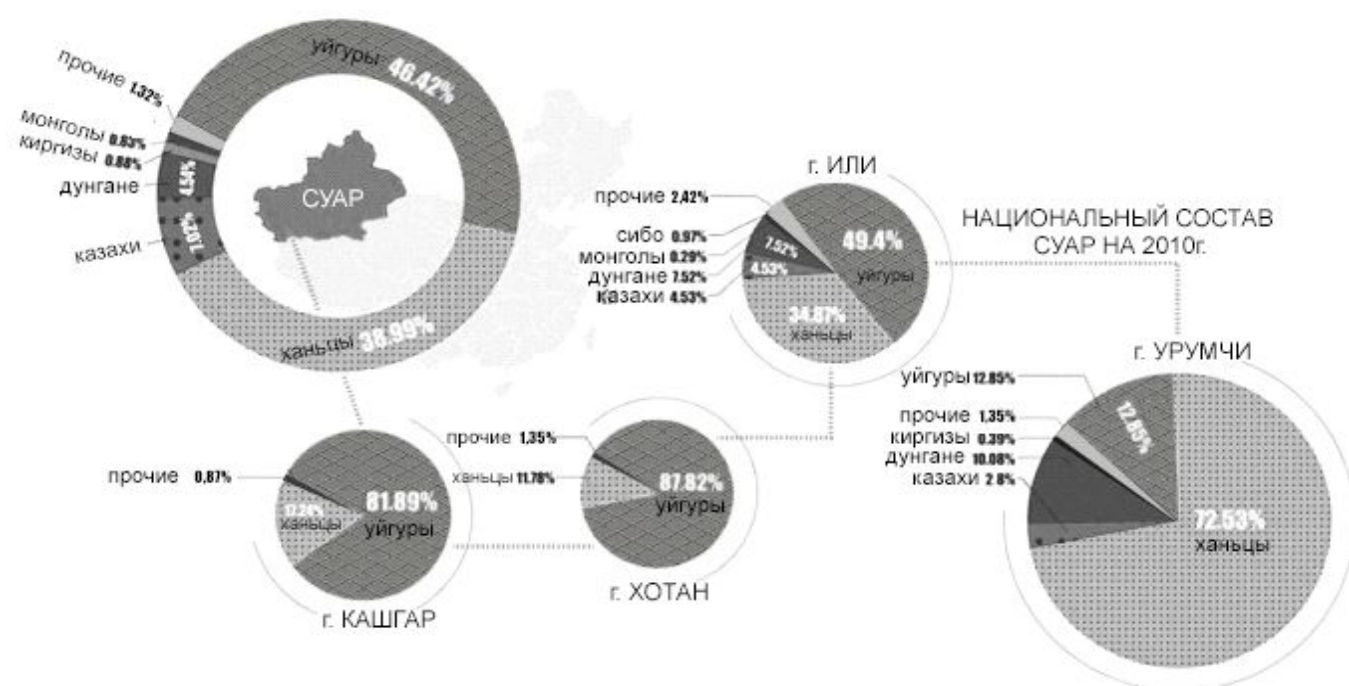

Рис 2. Этнический состав ведущих городов СУАР на 2010 г. ¹

В условиях свободной конкуренции часто учитываются личность и квалификация работников, а не их национальная принадлежность. Для

¹ Составлено по источникам: Население мира. Демографический состав и этническое распределение в СУАР [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.renkou.org.cn/china/xinjiang/2015/2263.html>.

стабилизации ситуации и поддержки национальных меньшинств государство увеличивает размеры социальных пособий по безработице.

При рыночной экономике и свободной конкуренции у государства меньше возможностей и инструментов для регулирования доходов населения. Согласно динамике ВВП КНР, за период с 1950 по 2015 год доходы и общий уровень жизни населения растут. Однако рост доходов национальных меньшинств осуществляется медленнее по сравнению со средним уровнем доходов по стране. В результате этого правительство предпринимает ряд мер по поддержке этнических меньшинств и увеличивает выплату социальных пособий. По данным ежегодного доклада правительства СУАР и Госсовета КНР за 2011 год, в 2010 году средний доход городского населения составил 13500 тыс. юаней в год, прибавив 10%. В сельскохозяйственных районах чистая выручка составляет 4500 юаней. По сравнению с аналогичным прошлым периодом – это рост на 15,9%, что ниже среднего дохода по стране.

С целью поддержки развития экономики региона в 2010 году центральное правительство решило взять на себя инициативу по реализации в СУАР налоговой реформы на нефть и газ, вследствие чего регион получил дополнительные 3 млрд юаней, а это огромные дополнительные средства на развитие местной экономики. Но в реальности СУАР находится на нижнем уровне производственной цепочки, экономика преимущественно является сырьевой.

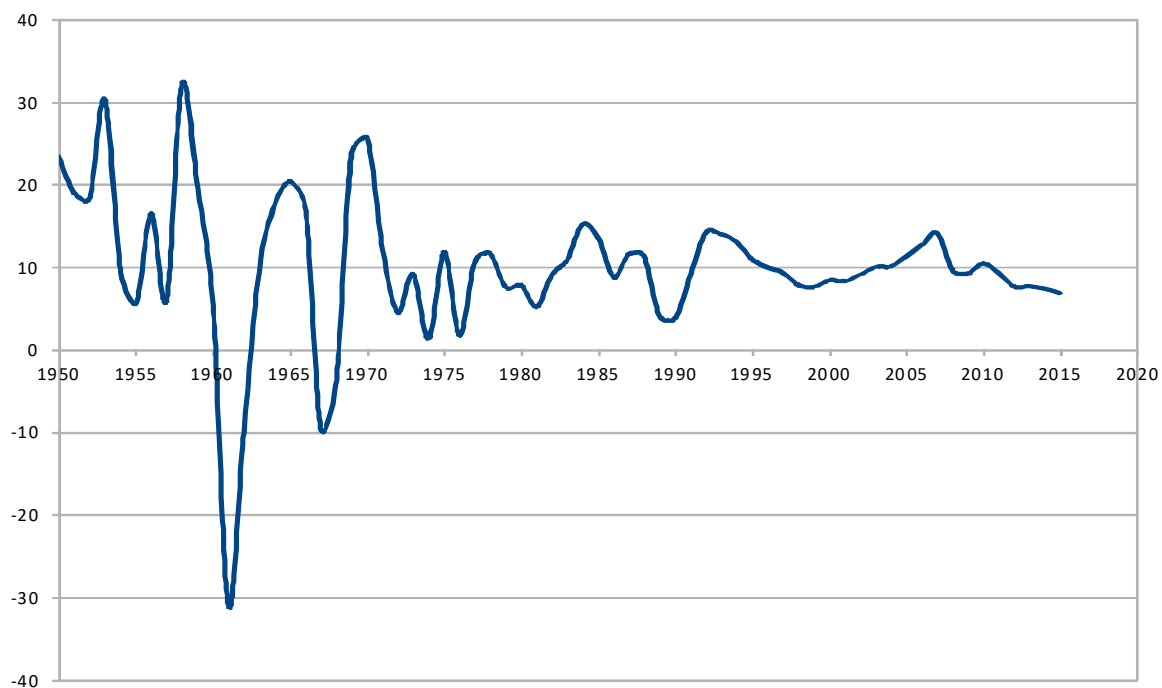

Рис.3 Динамика ВВП КНР за период с 1950 по 2015 гг. (в процентах - %).¹

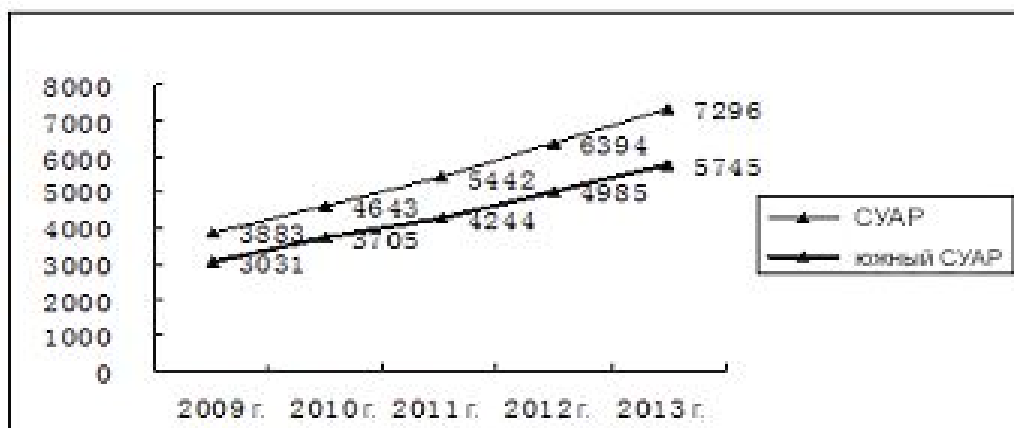

Рис. 4. Рост доходов сельского населения южного СУАР в 2009-2013 гг. (в юанях)².

¹Составлено по источникам: Национальное бюро статистики КНР. Показатели ВВП [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://data.stats.gov.cn/easyquery.htm?cn=C01>.

²Составлено по источникам: Государственное информационное бюро [Электронный ресурс]. Режим

Экономическое развитие Синьцзян-Уйгурского автономного района ускорило этот процесс благодаря курсу, принятому правительством Китая, который предполагал освоение западных территорий страны. Основной задачей в экономической сфере региона было обеспечение социально-экономической стабильности путем поднятия и реорганизации производства, экономического сотрудничества с приграничными республиками. Заданный экономический курс включал в себя:

- поддержку населения (предоставление материальной помощи);
- поддержку предпринимательства (льготное налогообложение);
- развитие энергетики, промышленности, транспортно-коммуникационного и жилищного строительства.

Чтобы отвлечь этнические меньшинства от ксенофобских и сепаратистских идей, правительство направило все силы на развитие экономики в регионе. В результате города урбанизовались, активно развивалась инфраструктура, росло и количество рабочих мест, обеспечивая полноценную занятость населения. Казалось бы, некогда обращать внимания на этнические различия, идеи исламизма и джихада. Но правительство не учло тот факт, что, улучшив экономическое положение и наделив национальные группы еще большими правами, они усугубили национальную дифференциацию в регионе.

Стремление к самоопределению и политическому индивидуализму находится на высшем уровне потребностей человека. Согласно теории А. Маслоу, в системе человеческих потребностей после физиологических следуют потребности в безопасности, любви и принадлежности к обществу (определенной ячейке, группе), уважении и высокой оценки другими и, наконец, самореализации;

и как только базовые потребности удовлетворены, человек стремится к удовлетворению потребностей высшего уровня. Народ, нация существует как совокупность отдельных индивидов, а также социальных, экономических, политических и других групп, поэтому пирамида потребностей отдельно взятого индивида также распространяется на группы, в том числе на этнические¹. Поэтому не удивительно, что в связи с желаниями к самоопределению, волнения на этнической и религиозной почве в данном регионе и мире в целом не прекратились.

Экологический и демографический факторы. СУАР расположен в глубине Евразийского континента. Регион характеризуется засушливостью и наличием редкой растительности. 4% площади (из 1665000 кв. км) – оазис, и там живет 95% населения, плотность населения оазисов – 328 человек на 1 кв. км.

Около 50% пригодных для использования водных ресурсов находится в эксплуатации. В течение продолжительного времени население региона растет, как и добыча ресурсов, вследствие чего ухудшается общая экологическая обстановка. Согласно данным регионального Управления по охране окружающей среды СУАР, в 2009 г. 85% пастбищ пришли в негодность, а урожай трав упал на 30 – 50%. Из-за такой природной зависимости от оазисов экономика также становится уязвимой. По последнему госстандарту КНР, в СУАР – 27 бедных уездов, среди них 21 находится на юге².

Хотан, Каши, Аксу и Кезилесу – четыре южные области с самой высокой рождаемостью и темпами роста населения³, где проживают преимущественно уйгуры. В этих областях живет 31,8% всего населения СУАР, при приросте

¹ Ван Цзяньган. Межэтнические отношения в Синьцзян-Уйгурском автономном районе // Вестник антропологии. 2016, № 3(35). С. 27–53.

²Список самых бедных уездов Китая [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.cpad.gov.cn>.

³ Сюмин Чжао. Практика борьбы с сепаратизмом и сохранение социальной стабильности в СУАР. Китай, 2009. 430 с.

населения 4,4% в год. 92,5% беднейшего населения СУАР проживает именно на этих территориях. С ростом численности населения сокращается площадь пахотных земель на душу населения, что приводит к снижению качества жизни. Когда этнические меньшинства оказываются самыми бедными, то этническая идентичность начинает ассоциироваться с экономическими трудностями. Возникает противопоставление себя другим народам. Тот факт, что большинство бедных в СУАР – представители этнических меньшинств, не способствует внутрирегиональному и межрегиональному национальному единству.

Религиозные, культурные и языковые факторы. По данным официальной статистики, на 11 млн мусульман в СУАР приходится около 24000 мечетей (то есть 1 мечеть на 540 человек), что примерно равно числу мечетей в пяти странах Средней Азии¹, а также в 5 раз превышает число других культурных объектов, таких как культурные центры, библиотеки, радиостанции, кинотеатры и т.д. Например, в уезде Юйтянь (входит в число самых бедных уездов), который включает 174 деревни, работает 792 мечети и только 122 начальные школы. Таким образом, влияние религиозной деятельности здесь гораздо сильнее, чем светской культуры². Ислам – религия, которая сформировалась под влиянием иудаизма и христианства, но, в отличие от последнего, является очень закрытой. Ислам как религиозная система не только выделяет себя из всех философско-религиозных систем как единственно верная, но и детально предписывает образ жизни и социальную этику верующих, включая питание, одежду, свадебные и похоронные обряды и т.п. Регламентируя буквально каждый шаг в жизни верующего, ислам влияет на все стороны жизни человека – на личность, группу, общество. Что в свою очередь, служит, с одной стороны, мощным инструментом сплочения верующих,

¹ Там же.

² Ежегодный доклад работы правительства СУАР и Госсовета КНР., 2011 г.

но с другой – часто используется сепаратистскими движениями с целью спровоцировать конфликты на этнической и религиозной почве.

Мусульмане принадлежат в основном к тюркской языковой общности, поэтому на религиозные различия накладываются также языковые особенности, и это усугубляет противоречия между разными группами населения СУАР. Но если языковой барьер преодолеть не так сложно, выучив другой язык, то преодолеть влияние религии на личность гораздо труднее.

Некоторые ученые отмечают, что сильное влияние ислама на образ жизни в СУАР проводит резкие этнические границы и строит культурные барьеры, чтобы сохранить традиционную культуру и ценности. Националисты используют религиозный вопрос, наряду с национальным, чтобы реализовать свои политические цели. Председатель КПК Цзян Цзэминь отметил, что «этнический сепаратизм, который использует религию в своих целях, представляет серьезную угрозу стабильности в СУАР»¹.

Геополитический фактор. Историческая и этническая близость делает СУАР восприимчивым к политической ситуации, культурному и экономическому развитию соседних стран. В силу исторических причин на межэтнические отношения внутри СУАР значительное влияние оказывают идеи пантюркизма и панисламизма, привносимые из стран Ближнего Востока и Турции. Запад использует межэтнический вопрос в СУАР как инструмент давления на Китай с целью его ослабления. Применяя двойные стандарты, Запад поддерживает террористическую организацию «Восточный Туркестан» и другие сепаратистские организации, манипулируя «синьцзянским вопросом», для обострения

¹Цзэминь Цзян. Правильное понимание истории СУАР и противостояние этническому сепаратизму // Литература партии. Китай, 2010. № 6.

межэтнических отношений в регионе. Все эти факторы оказывают прямое и косвенное воздействие на этнополитическую стабилизацию СУАР.

Фактор этнической политики. Из всех факторов этническая политика оказывает ключевое влияние на межэтнические отношения и является политическим инструментом их регулирования.

В Китае – 56 этнических групп и 299 языков. Однако все меньше людей в Китае говорят на коренных языках, по многим причинам все чаще используя литературный китайский язык.

Согласно Конституции КНР, все нации в составе КНР имеют право свободно развивать и использовать свои языки в устной и письменной формах. В национальных автономиях, в соответствии с местным законодательством, при исполнении служебных обязанностей, допустимо применять один или несколько местных языков. Статья 10 Указа КНР «О районах национальной автономии» гласит: «Местные органы обеспечивают право в районах национальной автономии свободно использовать и развивать свои собственные устные и письменные языки».

По данным Информационного бюро Государственного совета КНР, опубликованным в 2009 г. в «Белой книге», этническая политика КНР способствует развитию и поддержке всех этнических групп. В «Белой книге» говорится, что 53 из 55 национальных меньшинств Китая (за исключением дунган и маньчжуров, которые говорят и пишут на китайском литературном языке) пользуются родными языками. 22 нации используют 28 языков, среди них 12 наций – 16 письменных языков, искусственно созданных по заказу китайского правительства. 60 млн представителей национальных меньшинств используют родные языки¹.

¹ Информационное бюро Государственного совета КНР. Белая книга [Электронный ресурс]. Режим

В настоящее время 13 коренных народов СУАР используют 10 письменных языков. Исполнительные органы автономного округа, автономных областей и автономных уездов используют местный язык и государственный – китайский. Языки национальных меньшинств также широко представлены на радио, телевидении, в кино, в печатных изданиях – 70% всех материалов выпускается на языках национальных меньшинств. 21 сентября 2009 г. опубликована «Белая книга: развитие и прогресс в СУАР»¹, согласно которой около 70% национальных меньшинств СУАР не владеют китайским языком. Тот факт, что через 50 лет после создания КНР 7 млн населения плохо или вообще не владеют государственным языком, показывает, что правительство полностью выполнило пункт Конституции (п.4) и законы автономий, касающиеся языка. В п.4 Конституции говорится о том, что каждая нация имеет право свободного использования и развития собственного родного языка, сохранения национальных традиций и обычаев, а также проведения реформ в данной области. Национальные меньшинства в Китае не придают государственному языку должного значения, что также говорит об отсутствии принципов государственного единства и построения единого гражданского общества.

Таким образом, несмотря на то, что пункты Конституции, касающиеся развития национальных меньшинств в национальных районных автономиях, полностью реализованы, экономические и культурные барьеры между ними не только не исчезли, но, наоборот, стали еще более существенными. Подтверждением тому служит экономическая изоляция одних народов от других, бедность, а также усиливающаяся тенденция к национальному обособлению и разделению.

доступа: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/32832/Document/1450414/1450414.htm>.

¹ Там же.

Фактор глобализации. Глобализация – это процесс социального развития человеческого общества, который характеризуется растущими связями и глобальным сознанием. На межгосударственном уровне глобализация выражается в более тесном политическом и торгово-экономическом взаимодействии между странами. Мир становится единым. Глобализация влияет на функционирование межнациональных отношений по следующим направлениям и векторам.

Во-первых, она вызвала более тесное информационное взаимодействие между государствами, что приводит к стремительному распространению западной идеологии, которая влияет на межнациональные отношения внутри стран. Наиболее востребованными становятся идеи национализма, религиозного экстремизма и этнического самоопределения. Не является в данном случае исключением и КНР, где восприятие западной идеологии способствует росту национальной и религиозной идентичности.

Во-вторых, возрастает конкуренция между странами, формируется новая структура мирового порядка, в итоге политические и экономические системы становятся многополярными, а отношения между этносами и государствами – более сложными, разнообразными.

В-третьих, формируется мировой рынок труда. Уровень развития экономики и доходы стран зависят от их конкурентоспособности и владения ресурсами. Увеличивается разница и недовольство, противостояние и конфликт между нациями, которые оказываются в неравном положении.

В-четвертых, глобализация ослабляет национальные государства и социальную сплоченность. Отношения между нацией и государством теряют целостность, гармоничность. Появляется человек-космополит, для которого государство и интересы государства обесцениваются.

В-пятых, под влиянием современных технологий, особенно Интернета, исчезают национальные языки, мировая культура стремится к однородности. В 2009 г. ЮНЕСКО представила «Атлас исчезающих языков мира», где показано, что из 6000 существующих на планете языков около 2500 находятся под угрозой. Из них 538 находятся в самом критическом положении, 502 – в серьезной опасности, 632 – в опасности и 607 – в очень неустойчивом состоянии. По статистике ЮНЕСКО, 3% населения в мире говорит на 96% всех языков. Четверть населения планеты использует менее 1000 языков, и только менее 1/5 языков изучают в школах. Так как «основной» язык Интернета – английский, то 4/5 языков могут вообще остаться за пределами системы образования, средств массовой информации, использования в публичной сфере, а значит – исчезнуть. Лингвисты проследили тенденцию к ускорению вымирания языков за последние годы: так каждые две недели исчезает один язык.¹ Некоторые эксперты подсчитали, что языки сегодня вымирают быстрее, чем виды растений и животных: в два раза быстрее, чем находящиеся под угрозой вымирания млекопитающие и в четыре раза быстрее, чем птицы. Языковое разнообразие стоит в ряду с биологическим разнообразием, и по последствиям исчезновения языков не уступает исчезновению биологических видов. Прогнозы неутешительные: к 2100 году большинство языков вымрет, а с ними – история, культура, традиции. Культурное разнообразие и выживание народов напрямую связано с языковым разнообразием.

Внешние факторы влияния на современную ситуацию в СУАР. В настоящее время в ряде соседних с Синьцзяном государств, в частности государств Центральной Азии, часть которых образовались в результате распада СССР, наблюдается неблагоприятная обстановка. Схожей чертой внутреннего развития этих стран является укрепление религиозных экстремистских течений, что

¹UNESCO Atlas of the World's Languages in Danger. [<http://www.unesco.org/new/en/culture/themes/endangered-languages/atlas-of-languages-in-danger>]

сопровождается массовостью их поддержки. После распада Советского Союза население новообразованных государств Центральной Азии (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан) не препятствовало распространению идей исламского экстремизма. В период существования СССР серьезных угроз со стороны религиозных экстремистов не было, так как коммунистическая идеология, которая отождествлялась с атеистической, заполняла все сферы жизни общества, к тому же культурная изоляция советских граждан от внешних влияний в этом случае играла положительную роль. И все же, задолго до обретения суверенитета на этих территориях уже существовали неофициальные организации, так называемые «школы ислама», члены которых в дальнейшем приняли участие в борьбе за власть, создавая свои религиозно-политические группы.

Как известно, в Центральной Азии, особенно среди оседлой части ее населения, религия традиционно оставалась мощным регулятором общественной жизни. И поскольку ислам являлся наиболее распространенной религией народов региона, то именно с ним связывалась культурная и цивилизационная самоидентификация большинства населения Центральной Азии. Естественно, что образованная часть мусульман региона воспринимала освобождение от тоталитаризма не только как возможность открыто исповедовать свою религию и выполнять религиозные обязанности, но и видела в сложившейся ситуации уникальный шанс для реализации собственной концепции будущего отдельных государств региона¹.

Под влиянием привнесенных с Ближнего Востока идей салафизма (ваххабизма) в странах Центральной Азии стали создаваться «джамааты» - группы

¹ Ушаков В.Н. Политический ислам в Центральной Азии: основные факторы и перспективы / отв. ред. акад. Плоских. Москва, Бишкек: Издательство КРСУ, 2005.

«истинно верующих» мусульман, требующих возвращения к нормам жизни мусульманской общины во времена Пророка Мухаммеда. Духовные лидеры «джамаатов» выступают за строгое соблюдение исламской морали и нравственности, не признают светские власти и обвиняют других мусульман в «отступничестве» и «неверии». В ряде других случаев члены ваххабистских общин принимают участие в вооруженной деятельности бандформирований. Салафиты в Центральной Азии пользуются финансовой, организационной и информационной поддержкой правящих кругов ряда мусульманских стран, заинтересованных в создании и усилении своих идеологических, политических и экономических позиций в регионе.¹

Когда бывшие страны СССР в Центральной Азии открыли свои границы, они столкнулись с противодействием исламских проповедников-миссионеров, которые считали своей основной задачей распространение радикалистских идей ислама на новые территории.

К тому же, получив независимость, государства в соответствии с демократическими нормами гуманности «образцовых стран», стали принимать законы о наделении свободами вероисповедания и правом деятельности религиозных организаций. Так, при отсутствии организованного контроля над ситуацией со стороны руководителей государств был запущен невозвратимый процесс. Наделение чрезмерными свободами граждан ряда государств, не имеющих опыта демократической культуры привело к стремительной исламизации некоторых стран, что может способствовать негативным последствиям в дальнейшем.

Таким образом, при открытости и ослаблении внимания к просочившимся течениям в страны Центральной Азии из-за рубежа радикальные исламистские

¹ Поляков К.И. Исламский экстремизм в Центральной Азии. М.: Институт востоковедения РАН, 2014.

идеи проникли на территорию соседствующих с КНР государств. Укоренение экстремистских идей основывалось на материальной поддержке своих сторонников и беспрепятственном открытии «частных» религиозных школ и мечетей.

Вместе с тем, в противовес проблеме «всемирной исламизации» существует идея демократизации мира. Классическая модель демократии должна способствовать развитию свободного и справедливого общества. К сожалению, на практике демократическое правление порождает множество проблем и конфликтов. Демократия в представлении Запада позиционируется как явление позитивное, и в последнее время используется как показатель «достойного места» на мировой арене.

Государства, пропагандирующие демократические ценности, как правило, имеют определенный авторитет в мире, пытаясь «внедрить» эти ценности даже в неподготовленные для этого страны. Понятие «демократия» ассоциируется, в первую очередь, с Евросоюзом и США, и к сожалению, не как пример ведения такой политики, а именно как пропагандистов этой доктрины.

Интересный анализ, связанный с данным вопросом, представлен в сборнике статей международного авторского коллектива «Убийство демократии: операции ЦРУ и Пентагона в постсоветский период», в котором показано влияние США, в том числе и на СУАР.

Пытаясь укрепить свое присутствие и влияние на постсоветские страны, США заручившись поддержкой руководства ряда стран ЦА, получили бы возможность влиять на политические процессы в этом регионе. А «управляемость» Киргизией со стороны США гарантировала бы американцам достижение целого ряда геополитических целей:

- 1) использование «уйгурского фактора» для дестабилизации Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР (СУАР);
- 2) создания аналогичного плацдарма в Тибете;
- 3) торможение планов прокладки магистральных нефтепроводов в КНР из Казахстана и активизации полномасштабного присоединения Казахстана к проекту «Баку – Тбилиси – Джейхан»¹.

На сегодняшний день Китай является одним из основных мировых «игроков» в геополитическом плане. Китайская экономика уже занимает лидирующие позиции в мире по многим показателям, и по мнению экспертов, спустя еще десятилетие Китай станет самой крупной экономикой в мире, чем может составить серьезную конкуренцию для США в будущем. И одной из значимых факторов для дестабилизации Китая сегодня является симбиоз уйгурского сепаратизма с религиозным экстремизмом. Тем более, когда это сочетание сосредоточено в самом крупном районе государства на его приграничной территории.

Внешние факторы, которые оказывают непосредственное влияние на развитие «уйгурского вопроса», очевидны. Дестабилизирующие факторы со стороны граничащих государств с чрезвычайно повышенной внутренней неустойчивостью, мировые доминирующие идеи панисламизма и демократии способны ввести в дисбаланс даже отдельные регионы государств.

Немаловажным еще остается вопрос «мирового господства», знаменитое в геополитике понятие «хартленд», которое ввел в научный оборот Хальфорд Маккиндер. В 1919 г. в своей книге «Демократические идеалы и реальность» им выделяется понятие «Мировой остров», включающий континенты Евразию и

¹ Убийство демократии: операции ЦРУ и Пентагона в постсоветский период. Сборник статей международного авторского коллектива / Пер. с англ. Андрея Верченкова; пер. с исп. Татьяны Владимировой / Серия «Реальная политика». М.: Кучково поле, 2014

Африку. Самую недоступную часть мирового острова он назвал «хартлендом», где реки впадают во внутренние моря, либо в Северный Ледовитый океан. «Хартленд» - стержневое пространство (Сердцевина Земли или Евразия), недоступное для морских держав. Таврида рассматривалась как геополитический центр «хартленда». Х.Маккиндер придавал большую геополитическую значимость «Хартленду» из-за его огромных запасов природных ресурсов, но преимущественно из-за его недоступности.

Поэтому не стоит забывать, что именно та часть Китая, которая часто не выходит из состояния дисбаланса, является частью знаменитого «Хартленда», а, следовательно, представляет значительный интерес для потенциального воздействия на процессы, происходящие в центре континента.

ГЛАВА 3. РОЛЬ СИСТЕМЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ АВТОНОМИЙ КИТАЯ В ПОСТРОЕНИИ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Культурная, языковая, религиозная неоднородность населения ставит перед любой властью, руководствующейся идеями создания «национального» государства, непростые проблемы. Если микширование этнокультурных различий по тем или иным причинам оказывается невозможным или неприемлемым, власть оказывается перед необходимостью каким-то образом адаптировать их к существующей системе, и наоборот. Чаще всего такая адаптация достигается посредством политики «защиты меньшинств». Идея защиты меньшинств, будучи многоплановым и во многом противоречивым подходом к решению целого комплекса социальных проблем, исторически является производной от идеи национального государства¹.

Система национальной районной автономии в Китае – это система, в которой под руководством единого государства может быть создана районная автономия, где управление внутренними делами возлагается на национальные меньшинства, преобладающие на данной территории (определенной автономии). В Китае данная система отражает основное направление этнической политики. В национальных районных автономиях учреждены свои органы управления, определены специфические автономные права.

Китайские исследователи придерживаются мысли, что национальная автономия возникла на почве симбиоза феномена национального самоопределения и государственного суверенитета. У каждой нации на территории Китая есть

¹ Осипов А.Г. Национально-культурная автономия. Идеи, решения, институты. Спб.: Центр независимых социологических исследований, 2004.

неотъемлемое право на самоопределение, а у государства сохраняется неприкосновенный суверенитет.

В китайской системе автономий административно-территориальные единицы созданы на основе компактного проживания неханьских этнических групп. Сам китайский термин «национальная районная автономия» (миньцзуюй цзычжи) подчеркивает, что автономия не столько местная, сколько национальная, а компонент «районная» уточняет, что система национальной автономии является территориальной¹.

В настоящее время 52 из 55 национальных меньшинств имеют свои национальные автономии. Но из-за своей рассредоточенности 10 этнических объединений – нанайцы, узбеки, татары, русские, монпа, лопа, ачан, цзино, дэан и гаошань в Фуцзяне – не смогли получить автономий².

В состав Синьцзян-Уйгурского автономного района входит 5 автономных районов: Или-Казахский, Чанцзи-Хуэйский, Боро-Тала-Монгольский, Баян-Гол-Монгольский, Кызылсу-Киргизский; 7 автономных уездов: Тачен, Алтай, Турфан, Хами, Аксу, Кашгар, Хотан; 2 городских района: Урумчи и Карамай; 4 города субокружного уровня: Шихецзы, Арал, Тумшук, Уцзяцуюй; 15 районов; 62 уезда; 6 автономных уездов; 624 волости (в т.ч. 43 национальных волости); 229 сел; 147 окружных администраций³.

¹ Бондаренко А.В. Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая в начале XXI века. М., 2010.

² Кузнецов А.М. Этнонациональная политика и современные проблемы нациестроительства в Китае: монография. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2010.

³ Факты и статистики Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР на 2013 год. Издательство распространения Ужчоу.

Таблица 1. Автономные районы КНР.

Район	Дата образования	Площадь (км2)	Титульная нация района	Основная религия (по титульной нации)
Автономный район Внутренняя Монголия	1 мая 1947 г.	1 183 000	Монголы	Ислам
Синьцзян-Уйгурский автономный район	1 октября 1955 г.	1 660 400	Уйгуры	Ислам
Гуанси-Чжуанский автономный район	15 марта 1958 г.	236 660	Чжуаны	Буддизм
Нинся-Хуэйский автономный район	25 октября 1958 г.	66 400	Хуэйцзу (дунгане)	Ислам
Тибетский автономный район	1 сентября 1965 г.	1 228 400	Тибетцы	Буддизм

В трех из пяти автономных районах Китая доминирующей религией является ислам. К тому же большая часть автономных районов находится под влиянием мусульманской религии. Поэтому в соответствии с быстрым темпом распространения ислама и учетом фактов «неконкурентоспособности» иных религий в связи с пережитками их традиций и особой «мягкостью» и толерантностью, можно предположить, что в скором времени ислам распространится и укоренится еще больше.

Национальные автономии китайского типа, которые в научном обиходе часто называют национально-культурными автономиями, полноценно отражают всю этнонациональную ситуацию в стране.

Синьцзян-Уйгурский автономный район является ярким примером истинной национальной автономии и самым концентрированным автономным районом в КНР.

Таблица 2. Административное деление СУАР.

Округ	Дата образования	Титульная нация (в округе)	Религия титульной нации
Баянгол-Монгольский	23 июня 1954 г.	Монголы	Ислам
Боро-Тала-Монгольский	13 июля 1954 г.	Монголы	Ислам
Кызылсу-Киргизский	14 июля 1954 г.	Киргизы	Ислам
Чанцзи-Хуэйский	15 июля 1954 г.	Хуэйцзу (Дунгане)	Ислам
Или-Казахский	27 ноября 1954 г.	Казахи	Ислам

3.1. Предпосылки создания автономий в КНР

Впервые суть и цели национальной автономии объяснил в своем выступлении на расширенном пленуме ЦК КПК Мао Цзэдун в 1936 г. По мнению лидера КПК, во избежание массовых сопротивлений необходимо убедить представителей всех национальностей в перспективе наделения их равными правами и дать возможность самим управлять «своими» делами, сохраняя целостность государства. Местные правительства должны состоять из представителей национальных меньшинств. По заявлению Мао Цзэдуна, важным является уважение религиозных и культурных особенностей всех национальных групп, и государство должно способствовать сохранению национальных языков и письменности. Конечно тот факт, что коммунисты, руководствуясь идеями национализма, единства, имеющими глубокие корни в многовековой китайской имперской традиции, обещают право этническим меньшинствам на самоопределение и «независимость», вызывал большие сомнения. Но КПК необходима была поддержка национальных меньшинств, поэтому проводя такую политику он стремился не допустить властвования ханьцев над неханьским населением и их ассимиляции.

Позднее, в 1945 году на VII съезде Коммунистической партии Китая Мао Цзэдун поддержал национальную политику Сунь Ятсена, который выступил за равноправие всех народностей, населявших Китай, и за возможность их самоопределения с целью создания единого государства при добровольном согласии всех народов, которые будут входить в Китайскую Республику. Мао Цзэдун призвал коммунистов к поддержке данного курса политики¹. Тогда Компартией Китая было утверждено создание Народной Демократической

¹ Мао Цзэдун. Избранные произведения. Харбин, 1948.

Федеративной Республики с учетом равноправия всех народностей и возможности добровольного вступления в Китайскую Федерацию. Но с установлением коммунистической власти в Китае был задан несколько иной политический курс, который был уже ориентирован на создание единого национального государства.

Согласно преобладающей точке зрения, национальное самоопределение – это синоним сепессии. Так, Ма Вэйлян, автор статьи о теории Мао Цзэдуна по национальному вопросу, считает возможным говорить о «переходе КПК от права наций на самоопределение к праву на автономию», автономия при этом не признается формой самоопределения. Это, так сказать, «способ решения национального вопроса»¹.

Коммунистическая партия Китая считает свои взгляды на решение национальных вопросов неизменными. Китайское правительство выступает за то, что все этнические группы, независимо от численности населения, уровня экономического и социального развития, сходства и различия в религиозных убеждениях и обычаях, являются неотъемлемой частью китайской нации, национальные меньшинства и титульная нация хань имеют одинаковый статус во всех аспектах общественной и национальной жизни, пользуются теми же правами и имеют одинаковые обязанности. Национальная политика КНР в отношении национальных автономий заложила подсознательное понимание того, что этнические группы являются «региональными хозяевами» и могут сами управлять своими делами.

Китай реализует этническую систему региональной автономии, основанную на следующих факторах.

¹ Москалев А.А. Нация и национализм в Китае: эволюция китайской мысли в подходах к нации и национализму. М.: Памятники исторической мысли, 2005.

Во-первых, Китай имеет долгую историю как централизованного государства и сложившуюся региональную, этническую систему расселения этносов.

Во-вторых, с древних времен большие и малые этнические группы распределились в разных местах государства, за исключением Тибета и Синьцзяна, в которых этнические группы жили компактно и по численности превышали ханьцев. Таким образом, национальные меньшинства занимали более половины территории Китая. Поэтому экономические и культурные контакты между различными национальными меньшинствами, предполагающие сотрудничество и взаимопомощь, были неизбежными.

В-третьих, национальные группы совместно с ханьцами играли значимую роль в оборонительных войнах, в частности в «опиумных войнах».

В 1945 году был принят проект Конституции КНР, в которой был утвержден унитарный тип территориального устройства государства, а районы компактного проживания национальных меньшинств были преобразованы в автономные районы как неотъемлемые части Китайской Народной Республики.

Пересмотр идей федерализма с перспективой создания единого мощного государства должен был способствовать объединению всей территории Китая, предотвращению волнений национальных групп и возможности отделения и создания ими собственных государств. Китайские власти обосновали отход от идеи национального федерализма тем, что многие малые народы не имеют своей этнической территории. Поэтому политико-территориальное деление стало возможным лишь в виде районных автономий.

В настоящее время национальные автономии – это не просто система административно-территориального устройства, но и особая форма решения национального вопроса, основа национальной политики Китая. Согласно Закону о национальной районной автономии, принятому в 1984 году, это основная

политическая форма марксистско-ленинского разрешения Коммунистической партией Китая национального вопроса в КНР, один из важнейших институтов политической системы страны.

3.2. Полномочия национальных автономий

Система национальных автономий в Китае призвана сохранять целостность и неделимость Китая, к тому же наделение этнических групп весомыми политическими правами должны способствовать сдерживанию от возможных сепаратистских настроений в регионах. Поэтому основная власть должна быть сосредоточена в руках центра, дабы осуществлять контроль за национальным многообразием районов.

Система автономий в КНР имеет три уровня: автономный район; автономный округ; автономный уезд (сомон). При этом уровень автономного района соответствует провинции по системе общепринятых административных единиц КНР. Соответственно количеству доминировавших этнических групп и были созданы автономии. Например, Синьцзян-Уйгурский автономный район был создан на основе компактного проживания одного национального меньшинства – уйгуров. В связи с малочисленностью этноса, учитывая небольшую занимаемую ими территорию для таких этнических групп были утверждены национальные волости с предоставлением им права осуществлять самоуправление. При этом во всех национальных автономиях проживают ханьцы.

До 1999 года в КНР было создано 155 национальных автономий, включающих 5 автономных районов, 30 автономных округов и 120 автономных уездов. Таким образом, 44 из 55 национальных меньшинств Китая проживают в собственных автономиях.

Органы власти национальных автономий. Собрания народных представителей и народные правительства являются органами национальных автономий всех уровней. Народные правительства находятся под единым руководством Центрального народного правительства – Госсовета. В соответствии с «Законом о национальной районной автономии КНР» на должности председателя и его заместителя назначаются граждане из национальных меньшинств, которые представляют данную национальную автономию.

В «Законе о национальной районной автономии КНР», опубликованном в 1984 году и исправленном в 2001 году, определены основные права и обязанности национальных районных автономий в политической, экономической, культурной и других сферах.

Что касается Синьцзян-Уйгурского автономного района, то даже со сменой власти там некоторое время еще сохранялось старое административное устройство. Постепенно, после формирования нового правительства, в регионе был принят политический курс на солидарность, взаимопомощь и общее равноправие всех народностей Синьцзяна. В проекте «Программы осуществления национальной районной автономии в провинции Синьцзян» отмечалось, что кроме создания автономного района на основе народности уйгуров, должны быть созданы и другие национальные единицы – на уровне провинциального подчинения, на уровне округа и на уровне уезда. Данный проект был одобрен центральным правительством.

12 сентября 1955 года была изменена организационная структура Синьцзяна и создан Синьцзян-Уйгурский автономный район – СУАР. Такое название принято с целью сохранения национально-культурного баланса в регионе, так как оно восходило к истории данной территории. Председателем Народного комитета СУАР был назначен Сайфуддин, заместителями председателя – Гао Цзиньчунь

(этнический хань), Иминов (уйгур), Патихан Сугурбаев (казах), остальные члены Народного комитета были представителями 11 национальностей. По настоящее время СУАР является единственным автономным районом Китая, который объединил все три уровня автономий. 13 коренных национальностей Синьцзяна получили свои автономии, кроме малочисленных и разрозненно проживающих татар, маньчжур, узбеков, русских.

Органы национальных автономий наделены многими правами, включая право на самостоятельное распоряжение финансами на местах, в том числе рациональное использование местных природных ресурсов; они имеют возможность не только регулировать отношения в обществе, вести работу по подготовке кадров и разного рода специалистов, которые представляют национальные группы, но и осуществлять экономическое строительство. При всем этом Госсовет КНР полностью контролирует и регулирует процессы местного самоуправления.

Органы национальной автономии могут принимать нормативно-правовые акты – положения об автономии и так называемые отдельно действующие положения, которые вступают в силу после их утверждения Постоянным комитетом ВСНП (для автономных районов), постоянными комитетами СНП провинций и автономных районов (для автономных округов и автономных уездов) с последующим доведением до сведения об этом Постоянного комитета ВСНП. Если решения, постановления, приказы и инструкции вышестоящих государственных органов не соответствуют реалиям районов национальной автономии, то органы самоуправления с разрешения вышестоящих государственных органов могут их изменить или приостановить их исполнение (ст. 20 Закона о национальной районной автономии)¹.

¹ Конституционное право зарубежных стран: учеб. для студентов вузов, обучающихся по

История правления династий показывает, что высшей политической целью Китая всегда было создание единого многонационального государства. Система национальных автономий сложилась исторически, и права автономий были приняты в частности «по обычаю».

Однако чрезмерные свободы и права – это фундамент «инакомыслия», угроза для стабильности государства, в частности для Китая, который много веков пытался обрести могущество и достойное место в мире. В экономическом плане это удалось. Китай за последние несколько десятилетий продемонстрировал колоссальные успехи в социально-экономическом развитии страны. И в то же время сохраняются сильные противоречия между различными группами населения, что чревато распадом государства. Поэтому государство вынуждено соблюдать особые правовые рамки для своего населения, и деятельность власти должна основываться прежде всего на законодательстве.

В процессе осуществления свобод выявляются и негативные аспекты, когда в силу ряда причин, прежде всего из-за отсутствия должной гражданской культуры, свобода переходит во вседозволенность. Это значит, что правовые рамки свободы должны быть достаточно жесткими и надежными, что нисколько не противоречит принципам подлинной демократии. Право – это упорядоченная, нормированная форма свободы, свободы, введенной в законное (легитимное) русло. Свобода вне правовых рамок превращается в анархию, а демократия – в ширму, фасад, прикрывающие стихию и неуправляемость¹.

специальности «Юриспруденция» / Баглай М. В. и др. ; под общ. ред. М. В. Баглая, Ю. И. Лейбо, Л. М. Энтина. 2-е изд., перераб. М.: Норма, 2006.

¹ Теория государства и права: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальности «Юриспруденция» / Н. И. Матузов, А. В. Малько. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Юристъ, 2005.

Тем не менее, предоставляя привилегии национальным меньшинствам китайские власти недооценивают того, что политика «единения» и выборочной политики льгот отдельным народам может привести к расколу. Власти Китая считают свою политику успешной, закладывающей «фундамент социалистической демократии».

Но проблемы, связанные с правами этнических меньшинств не способствуют национальному единству, экономическому развитию, социальной стабильности и служат источником конфликтов. Исходя из этого, есть причины полагать, что региональный режим автономий нуждается в доскональном изучении, в поиске перспектив истинного национального единства, социальной гармонии и равноправия всех народностей Китая.

Национальные меньшинства в основном заселяют территории, которые считаются стратегически важными районами, так как это приграничные территории, и к тому же, богатые природными ресурсами. Учитывая значение данных территорий, особенно СУАР, КПК уделяет большое внимание контролю над данными районами, так как не исключается опасность того, что основное население региона может попасть под влияние, близких этнически иностранных сил.

Став государством-участником основных договоров по правам человека, Китай признал международные стандарты в сфере прав человека, оправдывая тем самым свое членство в Организации Объединенных Наций. В докладах для ООН КНР представляла свою политику в отношении национальных меньшинств, как соответствующую Декларации прав человека, чем демонстрировала перед мировым сообществом соблюдение принципов и целей Устава ООН.

3.3. Права, обязанности и свободы национальных меньшинств в рамках политической системы Китая

При изучении вопроса о правах национальных меньшинств стоит обратить внимание на общегражданские права в Китае. 10 декабря 1948 года Генеральной Ассамблеей ООН была принята «Всеобщая декларация прав человека». Основная идея Декларации отображена в первых статьях документа, которые выделяют основные его принципы – достоинство, равенство, свобода, братство. В тексте декларации обозначены права индивида (право на жизнь), отрицание рабства, духовные, политические, общественные свободы (свобода вероисповедания, ассоциаций), культурные, социальные, экономические права. В Статье 1 Декларации говорится: «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства». Данная декларация стала основным документом мирового значения, она провозгласила принцип гуманности, и повлияла на развитие общественной мысли. Соблюдение и следование ее принципам является показателем уровня цивилизованности страны, ее ориентированность на благосостояние своих граждан.

Одним из составителей декларации был китайский представитель Чжан Пэньчунь. С 1945 по 1952 год – член Экономического и социального совета ООН, одновременно – вице-председатель Комиссии по правам человека. Что касается китайской традиции, то по учению конфуцианства, гуманность и человеколюбие должно занимать главное место не только в управлении, но и в характере каждого человека. Конфуцианская категория добродетели «жень» как дополнительная философская основа отразилась в текст Всемирной декларации прав человека благодаря Чжан Пэньчуню.

Права человека в Китае, изложенные в «Общей программе Народного политического консультативного совета Китая», неоднократно претерпевали изменения. Изначально в программе подчеркивались основные права: свобода слова, убеждения, собраний, личности, переписки, вероисповедания, проживания и перемещения и пр. Затем в принятой в 1954 году Конституции КНР право на передвижение было отменено, и несколько отредактированы некоторые права личности. Далее следовала «Культурная революция», которая вообще опровергала часть прав и свобод. Права человека были объявлены «предметом роскоши и драпировкой капитализма». Но, как известно, эта революция стала провальной и пошатнула внутреннюю ситуацию, отразившись на межэтнических отношениях в КНР и на отношении населения к власти в целом. Возникла необходимость принимать меры и налаживать ситуацию в стране.

В 1991 году правительством КНР была опубликована книга «Права человека в Китае», в которой разъясняется, что КНР находится в процессе развития и экономического роста, что населению были предоставлены права, и политика государства направлена в первую очередь на обеспечение достойного уровня жизни для своих граждан, чего оно и добилось. Основной курс Китая в развитии социалистической экономики состоит в сочетании эффективности и справедливости, в поощрении части регионов и населения и, в конечном счете, в достижении всеобщей зажиточности населения всей страны. Исходя из этого, китайское правительство постоянно уделяет большое внимание оказанию помощи центральным и западным районам в экономическом развитии, повышению жизненного уровня, активной поддержке беднейшего населения в целях скорейшего избавления от нищеты.

Во второй части книги освещены политические и гражданские права, говорится, что «вся власть в Китае принадлежит народу». Китай осуществляет и совершенствует социалистическую демократию.

Отдельная глава, посвященная национальным меньшинствам, гласит: «В Конституции и других законодательных актах КНР определено не только равноправие всех национальностей, но и ясно указано, что государство оказывает помощь национальным меньшинствам и районам национальной автономии в развитии экономики, культуры и т.п., чтит их национальные традиции и обычаи. В этом и состоит коренная причина долговременной тесной сплоченности и совместного сотрудничества всех национальностей Китая».

Правовая система административно-территориальных единиц КНР обеспечивает полные политические права всех народностей, проживающих в национальном районе, управление автономией, оказывая влияние на внутренние дела всего государства. Важным элементом данной системы является возможность при необходимости принимать внутренние нормативные акты (в том числе уставы, резолюции, решения, приказы). То есть органы автономии имеют законодательное право, в соответствии с которым должны учитываться прежде всего особенности региональной политики, экономики, культуры. Законодательство на местах обязано следовать реальным жизненным требованиям населения автономных районов, защищать их права и интересы. Специфика отдельных районов в некоторых случаях требует определенной корректировки или дополнений общегосударственными законодательными актами, которые могут не совсем отвечать местным условиям жизни этнических групп.

В Синьцзян-Уйгурском автономном районе с момента основания Собрания народных представителей (СНП) в 1979 году до 2003 года было принято и реализовано 267 автономных, местных законов, резолюций, решений. Эти нормативные акты охватили различные сферы жизни — экономическое строительство, здравоохранение, образование, религиозные вопросы.

При разработке местных законов используются различные подходы, обязательно учитываются национальные особенности населения. На примере законодательной политики СУАР можно выделить основные аспекты, влияющие на принятие решений и их условия.

Права национальных меньшинств и «Государственный контроль рождаемости в СУАР». Проблема рождаемости в Китае является одной из важнейших, поэтому данному вопросу уделяется большое внимание. Контроль над рождаемостью, целью которого является сокращение роста населения, представляет одно из основных направлений политики, проводимой Китайским правительством. Общепринятой нормой для Китая в настоящее время стали однодетные семьи. Но есть некая особенность: ханьское население по всей стране должно придерживаться этой нормы, в то время как для национальных меньшинств этот вопрос был несколько откорректирован и дополнен. Контроль над рождаемостью по отношению к ханьскому населению в СУАР стал осуществляться с 1975 года. Так, в исправленном «Дополнительном установлении Синьцзян-Уйгурского автономного района по исполнению «Закона о браке КНР»» 1983 года была отмечена обязанность национальных меньшинств соблюдать данный закон, но не наравне с ханьцами, а согласно дополнений к закону.

Более четко требования относительно рождаемости были обозначены в «Мерах по плановому деторождению в Синьцзян-Уйгурском автономном районе» (1992 г.):

- для городского ханьского населения – 1 ребенок, для населения из нацменьшинств – 2;
- для сельского ханьского населения – 1-2 ребенка; для населения нацменьшинств 3 (и при наличии определенных условий еще +1) ребенка.

Права национальных меньшинств и «Регистрация браков в СУАР». «Закон о браке КНР» определяет минимальный брачный возраст для граждан, однако по требованию национальных меньшинств, исповедующих ислам, к данному закону также были применимы корректировки. По закону представители ханьской национальности имеют возможность вступать в брак с 22 лет для мужчин и 20 лет для женщин. Для национальных меньшинств, исповедующих ислам, по древней исторической традиции обязательной была женитьба в раннем возрасте. Условия, применяемые по отношению к ханьцам, не соответствовали догмам ислама, на котором и основаны обычаи мусульман, поэтому повышение брачного возраста и установление такого рода ограничений были не приемлемы в данном регионе. Чтобы избежать недовольства, власти утверждают в 1980 году «Дополнительное положение Синьцзян-Уйгурского автономного района по исполнению «Закона о браке КНР», которое постановило, что минимальный брачный возраст для нацменьшинств СУАР – 20 лет для мужчин и 18 лет для женщин. Согласно четвертому общегосударственному опросу населения в 1990 году, почти половина женщин из национальных меньшинств СУАР впервые выходит замуж в возрасте не старше 20 лет.

Права национальных меньшинств и «Использование языка и письменности в СУАР». В 1993 году правительством СУАР был принят законодательный акт, который должен был обеспечить право всех народностей на использование и развитие своих национальных языков и письменности. Правительство СУАР полностью поощряет и оказывает помощь в вопросе развития национальных языков, выражая таким образом уважение и поддержку их самобытности. К тому же правительство постановило, что при выпуске товаров на территории Синьцзяна описание на упаковке и сопровождающие документы продукции должны содержать тексты на китайском языке и на языке национальных меньшинств.

В СУАР на сегодняшний день в общем употреблении – большое количество языков и видов письменности. Согласно закону, основная официальная документация правительства СУАР должна быть на уйгурском и китайском языках, а экземпляры для округов и уездов автономии – на широко употребляемых языках национальных меньшинств. Каждый гражданин Китая имеет право на свободное употребление своего национального языка. Представители национальных меньшинств имеют право подавать иск в судебные органы на родном (национальном) языке. Как устная, так и письменная речь национальных групп является общеупотребительной, в том числе на радио и телевидении, кинематографе и в печатных изданиях. Газеты, журналы и учебники в Синьцзяне выпускаются в основном на шести языках (уйгурском, китайском, языке сибо, казахском, монгольском, киргизском). Эти языки, а также русский изучаются в учебных заведениях.

Тем не менее, к примеру, в сфере образования прослеживается тенденция, сигнализирующая о неравных возможностях ханьцев и национальных меньшинств. Ситуация в данном случае принимает форму реверсивной дискриминации. Так, существующая в КНР практика квотирования при поступлении в вуз для каждой провинции и автономии приводит к тому, что ханьцам становится сложнее быть зачисленными в вуз, так как приоритет отдается местным национальным меньшинствам. Существование подобной неравномерной конкуренции особенно явно проявляется в автономных районах, в том числе и в Синьцзяне, входящего в первую десятку регионов КНР по этой проблеме.¹

¹ Сян Шипу. Где в Китае труднее всего поступить в вуз. 30.06.2017. Интернет ресурс Байцзяхао. URL: baijia.baidu.com.

нацменьшинств, наделяя их исключительными правами. Поощрения со стороны государства, несправедливость по отношению к представителям титульной нации, может вызвать недовольство и способствовать развитию внутреннего, пока латентного конфликта.

Продолжая тему прав национальных меньшинств, отметим, что все народы Китая имеют свободу в сохранении или изменении жизненного уклада, традиций и обычаев. Правительство КНР учитывало такие особенности национальных групп, как национальные праздники, специфику употребления определенных продуктов, похоронные обряды, национальная одежда. Так, правительственные органы СУАР установили особые требования для мест общественного питания, которые должны учитывать национально-религиозные традиции мусульман, поэтому при всех организациях должны быть открыты столовые для мусульман. Во время главного праздника мусульман, который знаменует окончание великого поста «Рамадан», всем верующим предоставляются выходные. Что касается обычаев погребения, то для ханьцев уже вошла в традицию кремация, но для мусульман это неприемлемо (согласно исламу, усопших придают земле), поэтому для них официально выделены специальные участки земли для кладбищ.

Правительство КНР, рассматривая необходимость наделения правами и особыми привилегиями этносы в Китае, заложило в конституции основы национальной политики страны. Как уже говорилось, основная задача – это сохранение единства и целостности государства, а также возможность самоуправления представителями неханьского населения. И в связи с этим были определены основные принципы:

- равенство/равноправие (для всех народностей);
- создание автономных районов (для национальных меньшинств);
- развитие экономики и культуры (для национальных районов);

- подготовка национальных кадров;
- сохранение и развитие языка и письменности, традиций и обычаев, верований национальных меньшинств.

Все же, невзирая на все права, предусмотренные Конституцией КНР, для Китая исторически обусловленным является формирование «единого многонационального государства» и создание «нового (супер) этноса» - «китайской нации». Но для этого все этнические группы должны осознать свое истинное отношение к государству и намерение стать действительно его неотделимой частью. Однако в последнее время прослеживается противоположная тенденция: при такой попечительской политике по отношению к нацменьшинствам между ними существует все увеличивающийся барьер. Теперь национальное сосуществование ведет к нежелательному для Китая разобщению этнических групп. Пока народности не чувствуют единства, ситуация в регионе будет достаточно напряженной и неустойчивой.

Власти Китая убеждены, что все действия, связанные с политикой, которую они проводят в стране, направлены на формирование гражданской нации. Теоретические основы построения единой китайской нации (гражданственности) заключаются в следующем:

- консолидация всех проживающих на территории КНР народов;
- развитие патриотизма;
- формирование общегражданской идентичности;
- взаимозависимость и взаимопомощь ханьского населения и национальных меньшинств.

Если народ борется за свое признание, за территорию, то следует понимать, что население — это действительно основной элемент государственности, но

помимо самого народа, есть еще неотъемлемые признаки государства – суверенитет, власть. Что касается населения СУАР, основные представители которого (уйгуры), то на протяжении нескольких десятилетий они были настроены на собственную государственность. Поэтому можно сделать предположение о возможности возникновения «уйгурского государства» при правовой поддержке государства, прав и свобод национальных меньшинств.

Во-первых, в СУАР 45% населения составляют уйгуры – это именно то большинство, которое и пытается пропагандировать идеи сепаратизма. При этом численность населения уйгуров в пропорции к ханьцам продолжает стремительно расти.

Во-вторых, территория. Самый многочисленный этнос в Синьцзяне – уйгуры считают своей этнической родиной современный СУАР, так как по сравнению с другими этническими группами они более компактно проживали на территории данного региона.

В-третьих, это фактор религии. Например, в религиозных общинах колоссальное влияние на группу имеют духовные лидеры (священник, раввин, далай-лама, мулла и т.д.). В сознании малообразованных слоев общества до наших дней сохранился авторитет «духовных наставников», которые формируют мышление своих прихожан и обозначают свое отношение к определенным ситуациям, группам, людям. Так как большая часть уйгуров исповедует ислам, это создает потенциальную основу для возможной радикализации посредством духовных лидеров.

И основное, наиболее значимое – суверенитет. Суверенитет в контексте системы международных отношений обрести достаточно сложно. Государственность и независимость, к которой так стремятся некоторые народы, часто подпитывается чрезмерными правами и свободами. И если китайское

руководство продолжит придерживаться в своей политике национального вектора, то все это может привести к разрушению государства, чего так боится и так стремится избежать многонациональный народ Китая. Но самым неблагоприятным сценарием развития событий может стать то, что власти КНР в силу своей неосмотрительности взрастят на своей территории новое государство.

На практике же, оно может стать очередной непризнанной международным сообществом территорией. Так, ранее название «Восточный Туркестан» применялось в основном в этнографических материалах для описания более точного распределения этнических групп, в частности уйгуров. Но в настоящее время данное название политизировано и часто упоминается в литературе как непризнанное государство. Как известно, такие государства существуют, но перспективы их развития обычно не вызывают оптимизма. Существует еще одна мировая угроза: все непризнанные государства, понесшие серьезные экономические потери, становятся центрами нестабильности в соответствующих регионах мира, а в данном случае не исключено и объединение с такими же государственными образованиями под лозунгами радикального ислама. И тогда может быть воплощен сценарий, о котором в работе «Столкновение Цивилизаций» говорил Самюэль Хантингтон.

Чем больше государство наделяет национальные меньшинства правами, тем больше новых преференций они требуют, подчеркивая свое превосходство над другими, получая больше социально-экономических благ. Но когда социально-экономические нужды удовлетворены, появляются нужды к самоутверждению, обретению власти и признания, а этническая принадлежность и история в таком случае становятся всего лишь тем, от чего можно отталкиваться и за что якобы бороться.

ГЛАВА 4. БУДУЩЕЕ КИТАЯ В КОНТЕКСТЕ «УЙГУРСКОГО ВОПРОСА»

Как уже отмечалось выше, Синьцзян-Уйгурский автономный район имеет стратегическое значение для всего Китая. СУАР сегодня – это самая большая приграничная часть страны; при стабильной экономической ситуации в регионе наблюдается дисбаланс в вопросе сосуществования разных народностей. Можно даже предположить, что в регионе последние десятилетия прослеживается тенденция «столкновения цивилизаций». Конечно, знаменитая работа американского профессора Самюэля Хантингтона «Столкновение цивилизаций» охватывает всю геополитику современного мира. Но все же на примере Китая видно, как сосуществование представителей разных культур и «цивилизаций», может пагубно сказаться на судьбе государства, тем более, когда для этого есть определенные причины и предпосылки.

В 1990-е годы в данном регионе активно действовали региональные сепаратистские организации, использовавшие для достижения своих целей различные силовые методы, вплоть до террористических, что представляло потенциальную угрозу безопасности не только для центрально-азиатских республик, но и для северо-западного Китая, а в более широком контексте – для территориальной целостности и национальной стабильности Китайской Народной Республики¹.

Культурный разрыв между различными группами не может стать причиной конфликтов, но может послужить плодотворной средой для их возникновения и развития. Религия не является конфликтогенным фактором, а играет инструментальную роль. Она широко используется различными политическими

¹ Бондаренко А.В. Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая в начале XXI века. М., 2010.

силами для обоснования территориальных или иных претензий, для оправдания применения ими насильственных методов. Именно политизация религии в конфликтном контексте может представлять дополнительную угрозу стабильности или затруднять поиски политических решений¹.

Осознавая значимую роль религии в этнических и социальных конфликтах в СУАР, правительство стало уделять религиозным вопросам больше внимания, поэтому возникла необходимость вмешаться в управление тех регионов, где ситуация вышла из-под контроля, что вызвало агрессивную реакцию со стороны этнических групп мусульман.

Современная этническая и религиозная политика китайского правительства в СУАР направлена в первую очередь на решение так называемого «уйгурского вопроса», то есть на противодействие уйгурскому сепаратизму, религиозному экстремизму и международному терроризму².

Каждый год с конца 1980-х годов в Синьцзяне происходит около двухсот террористических актов, несмотря на меры, которые предпринимает государство, положение только обостряется.

Примечательно, что теракты во многих случаях не связаны между собой напрямую. Большинство террористических групп малочисленны и действуют самостоятельно. Интересен также парадоксальный факт, что тенденция к увеличению количества терактов совпадает с ростом количества мечетей и повышением уровня жизни в стране.

В исторической памяти, в коллективном и индивидуальном сознании и подсознании национально-культурная идентификация всегда была, есть и,

¹ Конфликты на Востоке: Этнические и конфессиональные: Учеб. пособие для студентов вузов / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Аспект Пресс, 2008.

² Бондаренко А.В. Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая в начале XXI века. М., 2010.

наверное, сохранится, несмотря на все попытки вытравить ее из ментальности человека. Три вызова современности – этнический сепаратизм, религиозный экстремизм и терроризм, – объявленные руководством КНР главной потенциальной опасностью для государственных устоев после террористических актов в США 11 сентября 2001 г., непосредственно связаны с национальной проблематикой¹.

4.1. Деформация целей национальных меньшинств

Проанализировав историю социально-политического развития Синьцзяна, можно увидеть деформацию целей и потребностей уйгуров, то есть эволюцию «причин борьбы». Основными причинами, по мнению уйгуров, является «притеснение» языка, религии, препятствование со стороны центрального правительства национальному самоопределению и созданию собственной государственности, автономии.

Эволюция требований уйгуров. Уйгурское население Китая имеет ряд существенных отличий от титульной нации хань, начиная от традиций и обычаев и заканчивая языком и религиозными верованиями. Вся история сосуществования ханьцев и уйгуров сопровождалась разного рода столкновениями, вызванными различными причинами. Опираясь на факты из истории региона, можно выделить ряд важных аспектов в изменении требований уйгуров:

- изначально велась борьба за территорию (в период перехода уйгуров от кочевого образа жизни к оседлому);

¹ Конфликты на Востоке: Этнические и конфессиональные: Учеб. пособие для студентов вузов / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Аспект Пресс, 2008.

- получения статуса автономии, вектор борьбы был направлен на сферу власти на населенной ими территории.

Уйгуры стремились получить полноценные политические права, которые дали бы им возможность обрести государственность, суверенитет и выход на международную арену. Предположим, что ставший государством Восточный Туркестан, оказался бы несостоятельными во всех отношениях, опыт их создания привел бы к негативным последствиям, то в дальнейшем они могли бы стать частью потенциального мирового мусульманского халифата и использоваться в геополитическом отношении в качестве «донора» ресурсов.

Сепаратистские идеи приобрели довольно значимость в мировой политике в XX веке и в начале нового тысячелетия. С проблемами национального самоопределения и стремления к государственности на современном этапе столкнулись ряд стран – это около 50 районов со значимыми очагами сепаратизма. Самые известные в мире очаги сепаратизма: Баскония и Каталония в Испании, Северная Ирландия и Шотландия в Великобритании, Квебек в Канаде, Донбасс на Украине. Для Китая основными районами, связанными с проблемой сепаратизма, сегодня являются Тибет и Синьцзян-Уйгурский автономный район.

В геополитическом плане КНР играет важную роль. Он расположен на территории Центральной и Восточной Азии, занимает значимое место в мировой политике и рассматривается всем миром как важный геополитический актор. Китай традиционно стремился реализовать идею «мировой гармонии», но ее нет в разбалансированном современном мире, также как нет и в самом Китае.

Синьцзян, занимающий Западную и Северную часть континентального Китая, испытывает различные влияния извне. Изменение геополитической ситуации в Центральной Азии в начале 1990-х годов привело к изменениям и в СУАР. На территории Центральной Азии пять бывших республик, вышедших из

состава СССР, преобразовались в самостоятельные государства, в которых доминирующей религией является ислам. Три из них – Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан – непосредственные соседи Китая.

Приграничные территории имеют важное значение для государства, и поэтому одной из его стратегических задач является сохранение баланса границ. С точки зрения Х. Маккиндера, основателя теории «хартленда»¹, территория современного СУАР находится в так называемой зоне, «воспроизводящей вызовы». Это – Монголия, Россия, Казахстан, Таджикистан, Кыргызстан, Индия, Пакистан, Афганистан, которые, по словам исследователя, являются основой для сотрудничества, так и очагом развития конфликтов и сепаратизма.

4.2. Религиозная основа современного СУАР

Китай как многонациональная страна с огромной территорией имеет статус быстроразвивающегося государства и существенно влияет на международные отношения. В то же время, во внутренней политике Китая остаются многие нерешенные проблемы, в частности национальный вопрос, который в Синьцзяне неразрывно связан с религиозной ситуацией. Главная особенность СУАР в религиозном плане – это многоконфессиональность населения, где преобладает ислам. Синьцзян с древности был важной зоной экономических и культурных связей Востока и Запада, что способствовало распространению здесь многих конфессий – буддизма, огнепоклонничества, манихейства, даосизма и др.

Внутренние проблемы государства тесно связаны с национальным многообразием. С установлением коммунистической власти, с момента создания

¹ Географическая ось истории / Х. Д. Макиндер; Пер. М. Тимофеева // Классика геополитики, XX век: сб. / Сост. К. Королев. – М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2003.

КНР 1 октября 1949 года, политика была направлена на наделение многими правами национальных меньшинств. До этого времени ситуация в Китае была нестабильной, население переживало постоянные кризисы и экономические упадки. Новая официально утвержденная политика страны была ориентирована на самоопределение этносов. Сохранение территориальной целостности и право наций на самоопределение нередко представляются как взаимоисключающие принципы. На самом деле они становятся таковыми в случае их абсолютизации. Борьба за самоопределение не обязательно означает создание независимого государства, поскольку самоопределение может по взаимному согласию осуществляться в других административных формах – автономия, субъект федерации и т.п.¹

Правительство, сделав шаг навстречу национальным меньшинствам, в действительности стало на путь разобщения. Самыми многочисленными из 56 национальностей, проживающих в Китае, в настоящее время считаются ханьцы, маньчжуры, чжуаны, хуэйцзу и уйгуры. Проводя анализ религиозной основы непосредственно в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, выделим основные (по численности) народности, населяющие данную территорию и их доминирующие религии.

Таблица 3. Этнический состав СУАР.²

Этническая группа	Численность в %	Язык	Религия

¹ Конфликты на Востоке: Этнические и конфессиональные: Учеб. пособие для студентов вузов / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Аспект Пресс, 2008.

² Факты и статистики Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР на 2013 год. Издательство распространения Ужчоу.

Уйгуры	46,6	Уйгурский	Ислам
Ханьцы	39,3	Китайский	Конфуцианство, даосизм, буддизм
Казахи	7,08	Казахский	Ислам
Дунгане	4,5	Китайский	Ислам
Киргизы	0,87	Киргизский	Ислам
Монголы	0,85	Монгольские языки	Шаманизм, буддизм, ислам
Таджики	0,21	Таджикский, дари	Ислам
Сибо	0,20	Китайский	Шаманизм
Маньчжуры	0,12	Китайский	Шаманизм, буддизм
Узбеки	0,08	Узбекский	Ислам
Русские	0,06	Русский	Христианство
Дауры	0,03	Даурский	Шаманизм
Татары	0,02	Татарский	
Другие этнические группы	0,59		

Ислам – это молодая религия по сравнению с другими основными мировыми религиями. Догматы Корана предписывают буквально каждый шаг верующего,

охватывая все уровни его жизни. Это единственная религия, которая с годами укрепляет свой статус. Для немусульман понятие «ислам» и «мусульмане» в последнее время часто отождествляются с экстремизмом, терроризмом, представляющими угрозу обществу. Однако для понимания данного феномена следует разобраться в корнях и причинах возникновения исламского радикализма.

Среди существующих теорий и подходов к этому вопросу можно в самом общем виде выделить экономические, политические, бихейвиористские, психологические, функционалистские, основанные на концепциях безопасности, на роли индивида или же институтов.

Экономический подход исходит из важности социально-экономических условий как причины, порождающей исламский экстремизм. Предполагается, что бедность, отсталость, безработица и другие подобные явления ведут к его возникновению. Однако, не смотря на относительную убедительность данного подхода, он не способен объяснить последовательный рост позиций религиозного радикализма в ряде стран на протяжении нескольких десятилетий. К примеру, Узбекистан надолго стал ареной действий радикальных исламских движений в Центральной Азии, несмотря на то что в нем ухудшение социально-экономического положения в начале 1990-х годов было гораздо менее заметно, чем в некоторых соседних республиках. Альтернативная гипотеза ориентируется не на экономическую, а на политическую депривацию. Недовольство, вызванное отсутствием возможностей политического участия в делах общества, господством репрессивных режимов, повсеместной коррупцией, питает экстремизм. Бихейвиористские и психологические подходы рассматривают исламский радикализм как специфический тип поведения, основанный на исключении и нетерпимости к инакомыслящим. Объяснение, основанное на роли личности, выдвигает на первый план роль индивидуальных акторов в появлении исламского радикализма. Однако она поднимает вопрос о том, почему существенная часть

исламского социума склонна поддерживать «исламский проект». Стоит ли причина в привлекательности самого исламского призыва, в глубоко укоренившейся традиции, в особенностях той или иной категории людей.

Ислам в отсутствие сильного светского политического противовеса стремится не только утвердиться в роли регулятора духовной жизни и социальных отношений, но и полностью занять образовавшийся идеологический вакуум. Это определяет цели исламизма как совокупности общественно политических сил (движений, групп, партий), выступающих за переустройство общества и государства на основе соответствующих принципов ислама (шариата). Среди исламистов никогда не существовало единого мнения о конкретных формах, темпах и методах исламизации. С практической точки зрения главным предметом разногласий является отношение к насилию (в том числе вооруженному) как средству достижения социальных и политических стандартов «исламского порядка». На базе этого критерия, а также с учетом реальной роли насилия в деятельности исламистских движений и группировок, их принято подразделять на умеренные и радикальные (экстремистские)¹.

В свою очередь ряд исламистских движений радикального толка заимствовал доктринальную базу от последователей салафизма (исламского фундаментализма). Основная идея которого, заключается в том, что на протяжении веков ислам искажался, в него все время привносились новые элементы, в том числе противоречащие исконному исламскому учению. И чтобы «очистить» мусульманскую религию, необходимо вернуть ее к тому состоянию, в каком она находилась в эпоху пророка Мухаммада.

¹ Конфликты на Востоке: Этнические и конфессиональные: Учеб. пособие для студентов вузов / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Аспект Пресс, 2008.

В связи с распространением ислама в мире, религиозным процессам уделяется большое внимание в мировом сообществе, и политика многих государств ориентирована на недопущение усиления исламского фактора.

Немаловажным фактором в процессе распространения ислама является, помимо высокой рождаемости среди мусульман устойчивость взглядов и жесткость этой системы. Человек, рожденный в мусульманской семье, автоматически становится приверженцем ислама и не может изменить веру, так как будет отвергнут своей семьей и народом. Смена религиозной идентичности среди мусульман наблюдается крайне редко. А те, кто не живет по догмам Корана, все равно идентифицирует себя с мусульманами. Если христиане, иудеи, буддисты, индуисты и другие могут принять по своему желанию другую веру, то мусульмане находятся в жестких рамках и относятся к этому вопросу очень серьезно. Можно сделать предположение, что это является одним из факторов того, что ислам распространяется быстрее и прочнее укрепляется в мире.

Рассмотрим вопрос, касающийся коммуникационно-информационных каналов, действующих в мусульманской среде. С давних времен основными информационными центрами были массовые собрания населения, которые проходили на основных площадях населенных пунктов: базарах, религиозные учреждениях. В наши дни информационные функции духовенства выполняют мечети, мусульманские школы, медресе и пр.

Служителей мечетей в СУАР сегодня насчитывается 28000 человек (в 1980 году – 3000). В СУАР количество мечетей в 5,8 раз больше, чем школ, а в административном центре СУАР, Урумчи, мечетей в 6 раз больше, чем школ. Мечети играют очень важную роль в повседневной жизни мусульман. Здесь ежедневно собираются верующие, все богослужение проходит на уйгурском и на арабском языках. Таким образом, уйгуры практически живут как в отдельном

государстве. Из этого видно, что они живут сами по себе и никакого единства с другими конфессиональными общинами на самом деле нет.

Исламистские проповедники поддерживают рост популярности своей религии, внедряя ее во все сферы жизни мусульман. В настоящее время в некоторых мусульманских странах государственные (светские) законы заменены законами шариата. В отдельных регионах, в том числе в СУАР, люди часто апеллируют к служителям мечетей, лидерам салафитских движений как к важным арбитрам. В понимании мусульман единственным легитимным авторитетом считается религия, а не государственное право и законодательство.

В вопросе напряженной этноконфессиональной ситуации в Синьцзяне религиозные формальные (но и не исключены неформальные) собрания играют главную коммуникационно-информационную роль. Центральное правительство страны пытается контролировать информационный поток. В регионе дозволены только государственные, «надежные» средства массовой информации, ограничена всемирная сеть Интернет. Правительством принимаются меры для обеспечения информационной безопасности населения района. Но при этом государство не может ограничить деятельность религиозных учреждений, в частности их «работу» с верующими. Невозможно проконтролировать столь важный информационный канал. Прихожане и проповедники обычно хорошо знают друг друга, тем самым сохраняя информационную безопасность собрания. Определенным методом влияния экстремистов является и так называемая «благотворительная деятельность во славу ислама» – переводы денег от различного рода общественных и благотворительных организаций, предоставляемая ими гуманитарная помощь, частные сборы и пожертвования мусульман за рубежом, включая западные страны¹.

¹Бондаренко А.В. Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая в начале XXI века. М., 2010.

С конца XX века правительство Китая стремилось контролировать ситуацию, расположить к себе национальные меньшинства, в частности их духовных лидеров. Но все меры были воспринимались агрессивно, так как трактовались этноконфессиальными группами как насильственное отношение к ним. Китайская практика показывает, путем диалога решить данные проблемы практически невозможно.

В мае 1997 года в рамках месячника национального единства Комитетом по делам национальностей и религиозным делам КПК СУАР КНР был организован форум, на котором присутствовали официальные лидеры исламской общины Синьцзяна и представители различных конфессий. Собравшиеся одобрили политику КПК в отношении этнических и религиозных проблем и осудили сепаратизм и незаконную религиозную деятельность. Между тем в Синьцзяне было закрыто 105 незаконных медресе. 133 мечети, построенные без официального разрешения властей, вскоре были закрыты и стали использоваться для других целей. Учителям, преподававшим в медресе, запрещалось заниматься преподавательской деятельностью в случае подозрений в их симпатиях к националистическим и сепаратистским тенденциям¹.

Информационное воздействие является важным инструментом в процессе подбора единомышленников, часто в организации террористических группировок. Психологически личное общение способно расположить человека больше, чем воздействие Интернета, что нередко используется в процессе вербовки в различные террористические организации.

Потенциально опасными местами для распространения идей сепаратизма и незаконной религиозной деятельности, по мнению властей, являются школы и колледжи. Они и стали основными объектами в борьбе китайских властей с

¹Бондаренко А.В. Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая в начале XXI века. М., 2010.

раскольнической деятельностью в Синьцзяне в июне 1996 года Синцзяньское телевидение отмечало, что кампания должна сфокусироваться на прекращении влияния национальных сепаратистов и незаконных религиозных деятелей на школьников и студентов¹.

Ограничение работы религиозных учреждений нарушило бы права граждан, но негативное влияние религиозного фактора государству было необходимо устроить, особенно учитывая сложившуюся ситуацию в нестабильных районах страны. Следует также понимать, что большинство чиновников Комитета по делам национальностей КНР являются мусульманами, и поэтому они часто исходят не из государственных, а из своих собственных интересов. Пока для ислама нет никаких других идеологических альтернатив, его влияние на сознание человека будет возрастать.

В течение 2014 года в странах Центральной Азии с вниманием следили за усилением влияния в центрально-азиатском регионе радикальной группировки «Исламское государство». Это было обусловлено в первую очередь проблемами, так или иначе связанными с соседним Афганистаном, который исторически близок к народам региона в религиозном, языковом и культурном плане².

С укреплением ислама в мире китайские политики стали больше внимания уделять вопросам религии. СУАР как приграничная территория где большинство населения исповедует ислам, считался и считается ныне краем, дестабилизирующим этнополитическую обстановку. Поэтому властям КНР всегда было важным не допускать распространения ислама на свою территорию. Учитывая ситуацию с близлежащим к СУАР Афганистаном, где стали

¹Там же.

² Угроза ИГИЛ: пути воздействия национально-религиозному экстремизму: сборник информационно-аналитических материалов / М.: Московское бюро по правам человека, 2016.

популярными идеи панисламизма и исламского фундаментализма, правительство КНР остерегалось, что Синьцзян может встать на подобный путь жесткого противостояния. И все же веяние сепаратизма со стороны религиозных групп с годами усиливаются.

Идеология коммунистической партии Китая, основанная на идеях К. Маркса, должна была стать основой гражданского единства, но вопреки социалистическим целям, имело место акцентирование на «национальных вопросах», которые, по марксизму, в идеале не должны были выходить на передний план. Рассматривая любые явления в сфере духовной жизни людей, марксизм-ленинизм исходит из необходимости выяснения их социальных предпосылок и идейных истоков. Это в полной мере относится и к религии, истоки которой, по словам К. Маркса, находятся не на небе, а на земле. Историческое развитие религии как по восходящей, так по нисходящей линии, не есть спонтанный, самостоятельный процесс. Это лишь своеобразное, фантастическое отражение реального процесса общественного развития с его сложностями и противоречиями¹.

Конец XX и начало XXI века ознаменовались в мировом сообществе нарастанием тенденций национальной самоидентификации, идеями этнического самоопределения и развитием религиозного единства, в частности мусульман.

Несмотря на экономический рост в регионе и повышение уровня жизни населения, ситуация в регионе за последнее время сильно обострилась. Привычные этнические ареалы размываются, а принципы частной собственности вступают в противоречие с представлениями об «этнической собственности», которые предусматривают, что члены «своего» этноса могут иметь преференции при доступе к имущественным и властным ресурсам на той или иной территории².

¹ Гальперин Б.И. Религиозный экстремизм: кто есть кто. Киев: Политиздат Украины, 1989.

² Угроза ИГИЛ: пути воздействия национально-религиозному экстремизму: сборник

Пример Синьцзян-Уйгурского автономного района демонстрирует процесс разделения на «своих», хотя центральные власти стараются повлиять на обстановку в районе и контролировать ситуацию в ней, в том числе и в вопросах кадровой политики, распределения ресурсов. Все же существенное социальное неравенство в районе присутствует, что дискредитирует политический курс КНР. Рост неханьского населения сопровождается и увеличением занимаемых ими должностей в государственных структурах, массовым оттоком ханьцев из Синьцзяна, а также принятием ханьцами ислама и попытками документально изменить свою этническую принадлежность. Все эти факторы указывают на неравное положение уйгуров и ханьцев в регионе, а отнюдь не на дружеские отношения между народностями в регионе или путь единения, как утверждают местные власти. Нередко рост популярности исламистских настроений связан не с успешными усилиями проповедников, а с распадом светских систем регулирования различных сфер жизни¹. Когда национальное разнообразие сопровождается ослаблением власти, пренебрежением по отношению к другим этническим группам, общество возрождает или создает собственную, приемлемую «сильнейшим» группам систему.

В Китае признают, что этническое многообразие Синьцзяна является причиной нестабильности в районе, и все волнения на этноконфессиональной основе происходят именно в данном регионе. Состав населения СУАР специфичен. Как уже отмечалось, здесь проживают представители практически всех 55 национальных меньшинств Китая. Основная масса населения СУАР – уйгуры, ханьцы и казахи. Каждая народность имеет свою древнюю историю, культуру и традиции, и каждая имеет право на место в мире.

¹ Там же.

Принципы идентификации этносов зависят от нескольких факторов – язык, религия, общность истории, традиций, обычаев, территории.

Сунь Ятсен выдвигал пять признаков идентификации представителей одной этнической группы (ранее иногда употребляли понятие «нация»), которые значительно отличались от научного определения нации: 1) общность крови; 2) общность жизненного образа; 3) общность языка; 4) общность религиозных верований; 5) общность обычаев и привычек¹. Примечательно, что Сунь Ятсен в качестве основного принципа выделял именно «общность крови», то есть по рождению.

Л.Н. Гумилев цитировал Маркса: «Еще у Маркса встречаем, что “одним из природных условий производства для живого индивида является его принадлежность к какому-либо естественно сложившемуся коллективу: племени и т.п.”».² При этом «общность по племени, природная общность выступает не как результат, а как предпосылка»³.

В наше время национальный вопрос стал основным, наряду с общечеловеческими правами и свободами. Каждая нация имеет право на самоопределение. Апеллирование к статье 1 Устава ООН, в которой сказано, что «все народы имеют право на самоопределение», а также ссылки на другие документы международного права, такие как «Международный пакт о гражданских и политических правах» и «Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах», мало проясняют суть дела, поскольку во всех подобного рода документах предлагаются лишь общие формулировки, которые могут интерпретироваться по-разному в зависимости от тех или иных

¹ Махмудходжаев М.Х. Национальная политика гоминьдана (1927-1937). М.: Наука, 1986.

² Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии: Эпохи и цивилизации / Л. Н. Гумилев. – М.: «Издательство АСТ», 2004.

³ Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. М.: Алгоритм, 2011.

обстоятельств, места и времени. Впрочем, от таких правовых актов и не следует требовать рецептов на все конкретные случаи решения проблем, связанных с реализацией принципов национального самоопределения¹. По мнению китайских лидеров и многих исследователей, система национальных автономий является именно формой самоопределения, и тем самым Китай представил образец реализации этого права.

Еще до установления коммунистической власти в Китае и определения курса «национального единства» данные принципы как государственно значимые сформулировал Сунь Ятсен. В работе «Три народных принципа» он выделил и дал определения понятию национализма как «принципа единой государственной семьи – нации», который, по его мнению, и должен был стать основой государственной идеологии. Эта точка зрения, по его мнению, не противоречит интернационализму, национализм должен стать почвой, которая определяет существование человечества, и станет фундаментом «здорового национализма».

Современная этническая политика, проводимая в КНР, ориентирована на построение национального единства, оформление «единой китайской нации». Многие представители этнических групп воспринимают такую политику как направленную на ассимиляцию. Национальные меньшинства воспринимают действия властей враждебно, считая, что у них отнимают права, хотя правительство, в свою очередь, наоборот наделяет их правами, несколько ущемляя представителей титульной нации, древних жителей Китая – хань. Сопротивление со стороны этнических групп сопровождается жестокими противостояниями и часто выливается в мятежи экстремистского характера. Население национальных автономий все равно желает больших прав, больших свобод. Западные эксперты

¹ А.А. Москалев. Нация и национализм в Китае: эволюция китайской мысли в подходах к нации и национализму. М.: Памятники исторической мысли, 2005.

также связывают обостренную ситуацию с определенной жесткостью политического режима КНР, объясняя это, в частности, отсутствием политической оппозиции и тотальным контролем над социальными сферами жизни населения. Можно, однако, опровергнуть это утверждение. Китай до наших дней уже 67 лет удерживает в социально-политических рамках 56 народов. Это разные этнические группы, которые постоянно стремятся к определению своего места в мире, пропагандируя сепаратистские идеи.

Сепаратистские движения пытаются в первую очередь обеспечить себе широкую поддержку. Спекулируя вопросами этнической идентичности и национально-религиозного единства, экстремистские группы призывают к единению и борьбе против общего врага, в случае СУАР – это ханьцы, символизирующие и олицетворяющие государство КНР, и во избежание проявлений давления на государство со стороны населения власти проводят политику социально-экономического поощрения представителей этнических групп.

Как известно, во всех религиозных конфессиях, особенно в общинах, уклоняющихся от регистрации в органах власти, значительное внимание уделяется подготовке молодой смены. В семьях экстремистски настроенных верующих повседневное целенаправленное религиозное воспитание детей является обязательным правилом¹. К тому же мусульманам свойственна социальная сплоченность, но сплоченность на религиозной основе еще более значима. Исламская социальная сплоченность включает в себя «исправление» вероубеждений человека, его становление как личности, отношение к обществу и его связь с ним, поведение в семье с родственниками и отношения друг к другу. Немаловажное значение имеет укрепление семейных связей и взаимовыручка.

¹ Гальперин Б.И. Религиозный экстремизм: кто есть кто. Киев: Политиздат Украины, 1989.

Исламская система социальной сплоченности включает в себя и сферу финансов, экономические отношения, нравственные принципы¹.

Основой зарождения экстремизма всегда являются отношения, точнее проблемы отношений межличностных, групповых, конфессиональных, национальных, межгосударственных, региональных, глобальных и т.п.

Заметим, что экстремистские идеи, реализуемые в последнее время, возникли на основе религиозного фанатизма. Представители исламского фундаментализма ставят перед собой цель достижения мирового господства ислама. Основная задача и миссия приверженцев панисламизма – сделать ислам правящей религией мира и создать глобальный халифат.

Китайские власти понимают, что благоприятной средой для возникновения внутреннего терроризма являются социально-экономические факторы. Но важно учитывать и то, что это действительно лишь фактор, а причиной может стать зародившийся и развитый в обществе экстремизм.

Управленцы Китая занимают, скорее всего, правильную позицию с точки зрения предотвращения возникновения проблем и возможности их перерастания в проявления экстремизма, появления терроризма. Пока государственная система имеет четкие рамки и контролирует основные сферы жизни населения, пока на территории существует страх перед властью, эта система будет поддерживать стабильность. Желаящих восстать против этого порядка и заявить о стремлении к формированию новой, собственной системы, очень много, этих сил достаточно для переворота и организации прочих дестабилизирующих акций. Если китайское руководство допустит ослабление политической системы и ослабит рамки, удерживающие этнические группы от антигосударственных выступлений, то

¹ Ульван А.Н. Социальная сплоченность в Исламе (Ат-такафуль иджтимаий фи аль-ислам) / Пер. с арабского Р. Абдуррашида Нижнекамск: «Рисаля», 2009.

может произойти крах стабильности и целостности Китая. Наступит очередная геополитическая катастрофа, которая может стать этапом рождения новых держав, но с далеко не светлым будущим.

Демократические идеи Запада, его пропаганда наделения свободами считаются доминирующими в мире. В последние десятилетия прошлого века, когда Китай стал на путь утверждения своего статуса как самой крупной экономики в мире, идеи Запада стали проникать в Китай посредством расширения экономических связей. Но идеи европоцентризма не были приняты в КНР – скорее всего, это связано с устойчивой древней культурой большинства населения страны.

Для Китая Синьцзян-Уйгурский автономный район является стратегически важной территорией, главным с экономической точки зрения регионом. В СУАР насчитывается свыше трех тысяч месторождений нефти, золота и других ископаемых, к тому же их ресурсы имеют значительный потенциал. По оценкам мировых экспертов СУАР в скором времени станет самым перспективным районом государства. Поэтому этот край так важен для КНР, и правительству необходимо полностью его контролировать.

Как уже говорилось, экономическая ситуация не может повлиять, точнее стать причиной сепаратизма, но может стать благоприятной средой для его развития. Поэтому политика центрального правительства всегда была направлена на улучшение экономической ситуации в СУАР. Изначально Синьцзян считался слаборазвитым районом, но на рубеже нового столетия ситуация стала меняться в положительную сторону. Экономический скачок и дальнейший рост китайской экономики сказался на всех территориально-административных единицах. И СУАР в начале XXI века вышел из списка беднейших районов Китая.

Основные проблемы и требования уйгуров всегда сводились к идеям о новом, независимом государстве. Но начавшаяся затяжная гражданская война

завершилась приходом к власти коммунистической партии Китая, которая взяла курс на национализацию. Руководители КПК были в основном этнические ханьцы. Страна была в полном упадке, экономика государства нуждалась в существенных реформах, казна была опустошена. Возглавивший государство Мао Цзэдун все усилия направил на создание китайской экономической модели. Но национальный вопрос также оставался значимым. И вслед за экономическими преобразованиями наступил этап «культурной революции», который должен был благотворно повлиять на формирование единой китайской культуры.

Первым лозунгом, под которым проходила так называемая «революция», был – «Критикуй Линь Бяо, Критикуй Конфуция – это теперь самое важное для Партии, армии и народа». Задача коммунистов заключалась в первую очередь, в укреплении своего авторитета, а не в решении вопроса национальных меньшинств. «Культурная революция» нанесла огромный ущерб стране: было уничтожено множество книг, памятников архитектуры, что негативно сказалось на уровне науки и образования в КНР.

Выстраивая систему национальных автономий, китайское правительство активно привлекало «национальные» кадры для государственной службы из представителей всех национальностей, прошедших предварительное обучение. Открывались национальные школы, институты. Количество квалифицированных работников, представителей различных этнических групп стало заметно расти: если в 1950 году численность национальных кадров составляла около 3-х тысяч человек, то к 1955 году – уже 46 тысяч.

4.3. Возможности и перспективы развития межэтнических отношений

В геополитическом плане Китай занимает одно из ведущих мест среди могущественных стран-лидеров и способен влиять на политическую обстановку в

мире. Поэтому внутренние проблемы Китая не являются только его проблемами. Даже если они пока при всех усилиях китайского правительства не выходят за рамки государства, но в связи с мировыми тенденциями это может стать «бомбой замедленного действия».

В конце прошлого века уйгурские лидеры организовали международное уйгурское движение за пределами КНР, основной целью данных организаций было получить поддержку со стороны мировой общественности. Первая такая организация, созданная в Стамбуле в конце 1992 года, первоначально называлась «Мировой национальный конгресс Восточного Туркестана». В конце 1990-х годов уже действовали две главные организации – Уйгурская американская организация, находившаяся в Вашингтоне (США), и Всемирный уйгурский конгресс в Мюнхене (Германия). Организации имели свои представительства в России, Бельгии, Турции, Киргизии и Казахстане. Позднее представительство в Москве было закрыто. До всемирно известных терактов в США 2011 года уйгурские организации активно вели пропаганду по «уйгурской теме». На Всемирном уйгурском конгрессе были представлены претензии к китайским властям о притеснении прав и свобод уйгуров в Китае. После 2011 года в США, а затем и во всем мире, стали относиться с опасением к религиозным движениям, в особенности к исламистским, и уйгурское движение, реформируя свои взгляды, переориентировалось не на религиозное, а на национальное (этническое) единство.

Тем не менее число организаций продолжало увеличиваться. Власти КНР в 2002 году обнародовали список организаций, которые действовали на территории Синьцзян-Уйгурского автономного района и несли террористическую угрозу для страны: Исламское движение Восточный Туркестан; Исламская партия Восточный Туркестан; Восточно-туркестанская партия Аллаха; Исламская реформистская партия «Ударная бригада»; Исламские священные воины; Международное

движение Восточный Туркестан; Организация за освобождение Восточного Туркестана; Организация за освобождение уйгуров.

Некоторые организации в свое оправдание перед мировым сообществом заявляли о второстепенности религиозных воззрений и утверждали, что преследуют лишь политические цели – освобождение уйгуров от китайского гнета.

Ныне самая активная организация, объединяющая уйгурских сепаратистов, – «Исламское движение Восточного Туркестана». Оно насчитывает до 600 боевиков, прошедших подготовку в лагерях в Афганистане, Таджикистане, Пакистане и Чечне. В его структуру входят мобильные бандформирования, органы управления, разведки, контрразведки, пропаганды и материально-технического обеспечения¹.

В свою очередь, китайское руководство принципиально изменило подходы к «проблеме уйгурского сепаратизма», рассматривая ее не столько как внутреннее явление, сколько как составную часть проблемы международного сепаратизма².

История неоднократно демонстрировала нам примеры государств причиной распада которых становилась дотационная политика в отношении своих субъектов. Преференциальный статус малых народов по отношению к титульной нации приводил к еще большей дезинтеграции и нарастанию отчуждения между ними. Так, к примеру по мнению американского историка-политолога Т.Д. Мартина: «Советский Союз стал первой в мировой истории страной, где были разработаны программы положительной деятельности (англ. affirmative action, т.е. дискриминации национального большинства) для национальных меньшинств, и до сих пор ещё ни одна страна не сравнялась с ним по их масштабности. Советское

¹ Бондаренко А.В. Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая в начале XXI века. М., 2010.

² Убийство демократии: операции ЦРУ и Пентагона в постсоветский период. Сборник статей международного авторского коллектива / Пер. с англ. Андрея Верченкова; пер. с исп. Татьяны Владимировой. М.: АНО «Институт внешнеполитических исследований и инициатив», Кучково поле, 2014.

государство предоставило право голоса национальным культурам, создало национальные элиты и распространяло национальное сознание среди масс населения. Более того, оно осуществляло меры характерные для новообразованных моноэтнических государств: оно ввело новые государственные языки и создало новые правящие элиты. Или если воспользоваться более привычной большевистской терминологией, то можно сказать, что партия стала авангардом национализма нерусских народов».¹ При более детальном рассмотрении данного вопроса, сложно не увидеть существенные аналогии с реализуемой сегодня правительством КНР политики в отношении национальных меньшинств. Несмотря на законодательно закреплённый равноправный статус всех народностей, на практике он выглядит иначе.

Однако, само подобное равноправие может быть плодом не только коммунистической идеологии: возможно, стоит искать предпосылки для зарождения такого равноправия, который напоминает «семейную структуру» народного государства. Представления о государстве в Китае как одной семьи было предложено ещё Конфуцием. Основа китайской духовности базируется на принципах конфуцианства, на которых было воспитано не одно поколение. И несмотря на жестокий период «культурной революции», «изживавший» идеи Конфуция из сознания масс, они тем не менее сыграли важную роль в формировании национальной политики, пусть не официально, но ментально они внесли весомый вклад в историческое развитие страны.

Удаленные, приграничные районы страны, особенно те, где компактно проживает определенный этнос в инациональной среде, создают особое «геополитическое поле» государства. Именно здесь активно развиваются интеграционные процессы в области хозяйственно-экономической жизни,

¹ Terry D. Martin. The Affirmative Action Empire. Cornell University Press, 2001. P. 29.

культуры, обычаев, традиций, языка совместно проживающих народов. Интенсивная ассимиляция в этнодемографическом поле нередко сопровождается и негативными последствиями. Этнос, попав под влияние сильной нации, начинает испытывать чувство тревоги, опасности за свое самосохранение, в результате чего возможны сепаратистские тенденции, межнациональная напряженность и конфликты¹.

Этноконфессиональные конфликты имеют корни в историческом развитии того или иного государства или этноса. В самом широком смысле три фактора в истории политического развития человечества привели к формированию его полиэтнического и поликонфессионального характера – территориальные завоевания и экспансии, главным образом мировых империй; колонизация и деколонизация; массовые этнические и этноконфессиональные миграции через государственные (политические) границы, особенно в XX веке.

В современном государстве плюрализм в отношении этнического состава населения и этноконфессиональная неоднородность, либо унаследованные исторически, либо формирующиеся в связи с массовыми миграциями, вызывают необходимость построения определенной модели политического сосуществования этнических и конфессиональных групп в рамках общего государства, определения норм и принципов отношений между этническими и конфессиональными группами внутри государства, поиска моделей существования устойчивых форм политических институтов, которые не оспаривались бы или не подвергались сомнению различными этническими и конфессиональными группировками в его составе, достижения баланса в политической власти, учета специфики этнических и конфессиональных интересов в публичной политике государства и др.

¹ Купин В.Н. Геополитические императивы глобальной безопасности. СПб.: Астерион, 2002.

Совершенствование механизма управления межнациональной интеграцией в Китае всегда остается важной задачей КПК, поскольку межнациональная интеграция касается политической стабильности и экономического развития в многонациональной стране¹.

Экономическая и политическая стабильность в государстве плохо совместима с поощрением определенных этнических меньшинств: наделением правами определенных национальных групп, изменением политического вектора в их сторону, предоставлением всевозможных льгот и т.д. порождает нестабильность в обществе. Пытаясь сохранить свою целостность, Китай выбрал пагубный путь, ярким примером тому является национальная политика Советского Союза. Ситуация отнюдь не идентична, но очень схожа. Внутренняя политика на местах подсознательно внушает определенным национальным группам идею об их особых правах. Создавая такую почву, государство ведет свой народ к сопоставлению одних с другими, что зарождает сепаратистские идеи. Когда определенные группы получают некие свободы и ощущают силу власти, они стремятся к большему, и остановить этот процесс невозможно. Остается только наблюдать за развитием ситуации и ожидать «взрыва» заложенной центральными властями «этнической сепаратистской бомбы», которая может быть активизирована быстрее, если еще почувствует поддержку «третьих сил».

¹Ху Янсинь. Государственная этнонациональная политика в Китае и России: сравнительный анализ теоретических подходов и социальных практик (в конце XX – начале XXI вв.). М.: Компания спутник +, 2006.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе исследования было показано стратегическое значение Синьцзян-Уйгурского автономного района как для внешней, так и для внутренней политики КНР. СУАР – яркий пример реализации этнической политики, практического применения системы национальных автономий. Данным диссертационным исследованием подтверждена роль доминирующей религии в районе и ее влияние на отношения между этническими группами и государство в целом, а также использование национальных прав и свобод для достижения целей определенными национальными меньшинствами.

Национальные меньшинства в Китае имеют крайне широкий спектр прав и свобод в условиях действующей политической системы. Согласно конституции КНР, этническим группам, проживающим в национальных автономиях, предоставляются существенный льготы, которые не распространяются на представителей титульной нации Китая – хань. Таким образом в результате реализуемой политики, экономические и культурные барьеры между ними не только не исчезли, но, наоборот, стали еще более существенными. Подтверждением тому служит экономическая изоляция одних народов от других, бедность, а также усиливающаяся тенденция к национальному обособлению и разделению.

Значительную роль в ухудшении ситуации в регионе сыграла и государственная демографическая политика. В связи с мерами по планированию рождаемости, которые были введены в Китае в 1978 году, уровень рождаемости среди ханьцев, проживающих в СУАР, достиг исторического минимума – 1 ребенок на семью. Так как эта политика распространяется только на ханьцев, произошел резкий спад рождаемости местного ханьского населения, а именно –

рождаемость снизилась с 0,1385% в 1978 году до 0,0073% в 2000 году В 2010 году эта цифра упала до 0,001%.

Кроме того, есть другие причины уменьшения численности ханьцев на территории СУАР.

Во-первых, многие ханьцы, достигнув пенсионного возраста, вернулись на родину. Во-вторых, часть населения мигрировала в Восточный Китай с более высоким темпом экономического развития и уровня жизни. В-третьих, резко увеличилось число терактов, и регион стал небезопасным для ханьцев.

В то же время рождаемость титульной народности автономного района – уйгуров сохраняется на стабильно высоком уровне. В среднем на городскую семью приходится 3 ребенка, 4 – на семью, проживающую в сельской местности. Примечательно, что средний детородный возраст женщин у ханьцев – 26 лет, а у уйгуров – 20 лет, так как согласно этнической политике КНР и законодательному праву местных автономий возраст, позволяющий вступать в брак, для уйгуров был понижен в соответствии с их религиозными верованиями, которые для них более важны, чем государственные законы.

Проэтническая направленность политики государства обуславливает высокий уровень темпов роста мусульманского населения в Синьцзяне. Однако, на юге СУАР возник дефицит земли на душу населения, в 1990 году – это меньше 1 га на человека, и ухудшилась ситуация с водными ресурсами, это весьма негативно сказалось на развитии региона.

По официальной статистике доля уйгуров среди населения региона составляет более 45%. Но эти данные не точны, так как в сельской местности сложнее провести анализ численности населения, так как многие жители стараются скрыть от властей истинное количество детей в семьях. Титульная нация Китая – хань, по официальным данным переписи 2010 года, составляет около 40%

населения района. Уйгуры – представители тюркских народов, исповедующих ислам суннитского толка, говорят на уйгурском языке, что кардинально отличает их от ханьцев. Межэтнические отношения в Синьцзяне в первую очередь складываются между уйгурами и ханьцами.

Межэтнические отношения можно разделить на следующие типы: сосуществование, дополнение, взаимосвязь, зависимость, ассимиляция, аккультурация, интеграция и разделение.

На сегодняшний день сосуществование и разделение – основные типы отношений между уйгурами и ханьцами. Между китайцами и другими нациями, а также внутри национальных меньшинств доминирует сосуществование. Объективными и субъективными причинами этого являются:

Физическая антропология. Уйгуры – смешанная переходная европейско-азиатская нация, а китайцы – азиато-мунгалы;

Язык. Уйгурский язык относится к алтайской семье, тюркская ветвь, а китайский – это сино-тибетская языковая семья; уйгуры используют латинский или арабский алфавит, а ханьцы – китайские иероглифы. Современный уйгурский язык в СУАР часто заимствует лексику из русского и турецкого языков, в то время как влияние китайского языка на него крайне слабое.

Религия. Большинство уйгуров – мусульмане сунниты, в то время как большая часть китайцев не являются верующими или исповедуют буддизм.

Культура и обычаи. Культура уйгуров в основном относится к среднеазиатской, исламской традиции. Для Китая же присуще – конфуцианство.

История. СУАР находится под прямым контролем китайского правительства с XIX века, и это очень короткий промежуток времени, необходимый для образования единого культурно-экономического пространства.

Наряду с объективными различиями между уйгурами и ханьцами, субъективные факторы еще больше усиливают различия и разделение.

Важное место в системе межэтнических отношений региона играет государственная этническая политика, которая провозглашает три принципа: 1) равенство (равноправие); 2) единство; 3) взаимопомощь. Эти принципы были позаимствованы из марксистско-ленинской идеологии СССР.

Равноправие является самым главным, фундаментальным принципом в политике Китая с 1949 года и до сегодняшнего дня. Однако центральное правительство, в целях сохранения целостности государства и недопущения конфликтных ситуаций в ряде автономных районов, в частности, в СУАР, предоставляет различные привилегии, льготы, пособия, а также создает благоприятные условия для национальных меньшинств в сфере экономики, культуры, образования, социальной и других сферах, что отделяет эти народы друг от друга.

В следствии этого единство нации не достигается. Поощряя одних, государство в какой-то мере ущемляет других. Наделяя национальные меньшинства многими правами, правительство способствует тому, что у радикально настроенных народов возникает стремление к полным политическим свободам, к независимости собственной территории, что означает присутствие сепаратистских целей в настроениях населения автономии.

В результате проводимой политики практически не заключаются браки между представителями разных наций, ибо это не приветствуется национальными группами. Такие браки – это единичные случаи, и все равно культура и религия уйгуров доминирует в межнациональных браках. Например, ханец принимает религию уйгуров и берет уйгурское имя. Наблюдаются случаи, когда ханьцы,

чтобы получить больше льгот, пытаются изменить свою национальность на уйгурскую или другую.

Из этого видно, что они живут сами по себе, и никакого единства на самом деле нет. В китайских законодательных органах и институтах, которые исследуют национальные вопросы, работают либо люди, которые не являются ханьцами, либо те, которые никогда не жили в описываемых районах и поэтому плохо знают ситуацию. В этом случае сложно сказать, защищают ли они государственные или свои национальные интересы.

В результате этнической политики, проводимой с 1978 года, когда в Китае начались реформы, ситуация в автономии не только не стабилизировалась, но наоборот усилилась напряженность, увеличилось количество террористических актов, и эта тенденция говорит о провале этнической политики.

Ежегодно в регионе происходит не меньше 200 террористических актов, но несмотря на жесткие меры борьбы с ними, которые предпринимаются китайскими властями, положительных тенденций не наблюдается, присутствует лишь рост экстремистских и сепаратистских движений в районе.

Примечательно, что эти теракты в большинстве случаев не связаны между собой напрямую. Большинство террористических групп малочисленны и действуют самостоятельно, особенно в последние годы. Интересно также, что тенденция к увеличению количества терактов совпадает с тенденцией роста количества мечетей и повышением уровня жизни в стране.

Китайское правительство лишь в последние три года усовершенствовало меры по введению китайского языка в образовательные программы СУАР, и китайский язык стал приоритетным в детских садах, школах, университетах. Однако большая часть сельского населения уйгуров плохо владеет или не владеет

вообще китайским языком. Таким образом, большинство уйгуров из сельских районов имеют мало возможностей устроиться на работу в другом районе Китая.

К сожалению, эти меры не улучшили ситуацию, потому что такая политика вызывает недовольства и волнения. Во многих случаях уйгуры отдают предпочтение не школам с китайским языком, а выбирают школы при мечетях.

Глобальное возрождение ислама, поддержка иностранных СМИ, усиление турецких зон влияния – все это способствует ухудшению ситуации в СУАР.

В связи с этим на сегодняшний день значительная часть китайского правительства и абсолютное большинство исследователей считают экономические причины ключевыми в описанной проблеме и утверждают, что если повысить уровень жизни уйгуров, то проблемы решатся. Соответственно, выделяется все больше инвестиций и льгот для этого региона. С другой стороны, усиливаются антитеррористические и силовые меры. Но, к сожалению, ситуация продолжает ухудшаться, и маловероятно, что в ближайшие годы вектор политики принципиально изменится.

Несмотря на то, что в регионе живут другие мусульманские народы, только уйгуры имеют близкое отношение к террористической деятельности. По сути, террористические акты не связаны напрямую с экономическим положением, они лишь свидетельствуют о стремлении уйгуров к получению независимости.

Важно также отметить, что в 1978 году Китай отказался от социализма в экономической сфере, но в политической – продолжается курс, направленный на социализм, в том числе во всем, что касается этнической политики. Однако видно, что этот курс не является успешным. Пока на смену политике льгот и преференций национальным меньшинствам не придет курс, направленный на формирование в Китае гражданского общества и единой культурной идентичности, проблема сепаратизма будет по-прежнему актуальной.

Тем не менее, в межнациональной политике в СУАР в ближайшее время вряд ли стоит ожидать кардинальных перемен по следующим причинам:

1. Всеми исследованиями, разработками и осуществлением распоряжений по национальным вопросам занимается Государственный комитет по делам национальностей. Большинство в его руководстве – представители национальных меньшинств, которые защищают свои интересы и проводят политику к своей выгоде.

2. В Народном собрании – законодательном органе в автономных районах – абсолютное большинство представлено местными национальными меньшинствами, поэтому любой закон, не в пользу их интересов, скорее всего не будет принят.

3. Национальная политика КНР прописана в Конституции, и любые попытки внести в Конституцию изменения, которые могут ухудшить положение национальных меньшинств, вызовут социальный протест.

4. Исторически сложилось так, что сами национальные меньшинства исследуют и изучают все, что связано с этой темой, Влиятельные эксперты и СМИ также представлены национальными меньшинствами, и они имеют большое влияние на партию и правительство.

5. В автономных районах КНР, в соотношении с представителями других народов проживает меньше этнических китайцев, ханьцев. В СУАР их не более 9 млн, в Тибете – 6% всего населения региона. Ханьцы, зачастую, стараются переселяться в районы проживания титульной нации, чтобы быть «среди своих».

Представляется, что особых перспектив изменения нынешней этнической политики и улучшения нет. Скорее всего, межэтнические отношения в СУАР продолжают ухудшаться – либо до смены правительства, либо до полного отделения

СУАР, что также означало бы конец марксистской теории наций как социального эксперимента в мировой истории. Множество примеров говорят о том, что если правительство что-то обещает и дает, а потом пробует отменить или отобрать, за этим следует острая реакция протеста. То же самое происходит при попытке в СУАР ограничить право на автономию и связанные с ним права.

Столкнувшись с межэтническими конфликтами, правительство ведет себя очень противоречиво, продолжая «подкупать» национальные меньшинства социально-экономической помощью, при этом дискриминируя титульную нацию и постоянно опасаясь бурных волнений среди национальных меньшинств и давая им при этом еще большие льготы и свободы, с одной стороны. С другой стороны, применяет силу для подавления протестов. Такая политика «кнута и пряника» не несет никаких кардинальных изменений. Вряд ли ее можно признать эффективной и надеяться, что она может продолжаться бесконечно. С практической точки зрения ситуация очевидна, но с теоретической, это является основой для изучения и исследования межэтнических отношений не только в отдельном регионе, а и на всей территории Китая, в соответствии с последними этнополитическими тенденциями современного, стремительно развивающегося мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

На русском языке:

Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках распространения национализма. – М., 2001.

Антонова В. Мультикультурализм: идеология, политика и культурный код современности/ Виктория Антонова. – М. : Вариант, 2012.

Арутюнов С.А. Культурная антропология / С.А. Арутюнов, С.И. Рыжакова. – М.: Весь Мир, 2004.

Афанасьева В.А. Синьцзян-Уйгурский автономный район во внутренней политике Китая 1991–2006 гг. Дисс...канд. истор. наук. – Томск, 2007.

Афанасьева Е.А. Синьцзян-Уйгурский автономный район во внутренней политике Китая 1991-2006 гг. : автореферат дис. ... кандидата исторических наук. - Томск, 2007.

Афанасьева Е.А. Современный Синьцзян. – Томск: Издательство Томского университета, 2007.

Баженова Е.С. Китай в демографическом измерении / Е. С. Баженова; Рос. акад. наук, Ин-т Дальнего Востока. - М.: Наука, 1992.

Баженова Е.С. Население Китая / Е. С. Баженова, А. В. Островский. - М.: Мысль, 1991.

Белоглазов А.В. Влияние ислама на политические процессы в Центральной Азии: учеб. пособие / А.В. Белоглазов. – Казань: Казан. Ун-т, 2013. - 296 с.

Бергер Я. КНР: политика, экономика, культура. 2010-2011. – М. ИД «Форум», 2011.

Бжезинский Зб. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. – М.: Междунар. отношения, 2010. – 256 с.

Блондель, Ж. Политическое лидерство. Путь к всеобъемлющему анализу/ Ж. Блондель. – М.: Б.и., 1992. – 135 с.

Бовингдон Г. Ху хочет нововведений: дискурс и глубокая структура национальной политики в Китае/Социальные различия и конституционализм в пан-Азии. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. Pp. 18-26.

Большая китайская энциклопедия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: – <http://cph.cnki.net/> (дата обращения: 11.04.2016).

Бондаренко А.В. Проблемы и перспективы развития Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР в начале XXI в. Автореф. дисс...канд. полит. наук. – М., 2007.

Бондаренко А.В. Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая в начале XXI века. – М., 2010.

Брилев Д. В. Религии мира. Ислам / Брилев Д. В. - Москва : Мир кн., 2007. - 191 с.

Бромлей Ю.В. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. М.: Наука. – 1987.

Бромлей Ю.В. Этнические процессы в современном мире. М.: Наука. – 1987.

Ванюков Д.А., Веселовский С.П. Непризнанные государства. – М.: Книжный Клуб Книговек, 2011. – 416 с. – (передел мира).

Васильев Л.С. Культы, религии, традиции в Китае. – М.: Наука, 2001.

Введение в этносоциологию: Учебник / Под ред. Шэн Ханчжень.— 2-е изд., доп.— Китай: Пекин., 2011.

Гальперин Б.И. Религиозный экстремизм: кто есть кто. – К.:Политиздат Украины, 1989. – 133 с.

Гасанлы Дж. П. Синьцзян в орбите советской политики: Сталин и мусульманское движение в Восточном Туркестане 1931-1949: монография / Дж. П. Гасанлы; пер. с азерб. Ф. Гаджиева. - М.:ФЛИНТА: Наука, 2015. – 360 с.

Гельбрас В.Г. Экономика Китайской Народной Республики. – М.: Квадрига, 2010.

Гервиц Р. М. Успехи национальной политики Коммунистической партии Китая и Коммунистической партии Чехословакии. / Р. М. Гервиц, Э. В. Тадевосян ; Ред. доц. А. С. Смирнов ; М-во высш. образования СССР. Моск. ордена Ленина энергет. ин-т. Кафедра истории КПСС. – Москва., 1958.

Губогло М.Н. Идентификация идентичности: Этносоциологические очерки / М. Н. Губогло; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – М.: Наука, 2003.

Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии: Эпохи и цивилизации / Л. Н. Гумилев. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. – 606 с.

Гумилев Л.Н. Этносфера : История людей и история природы / Л.Н. Гумилев. - М. : Оникс, 2003.

Делюсин Л. Вопрос о правах человека в Китае // Аналитические записки Научно-координационного совета по международным исследованиям МГИМО (У) МИД России. – 2006, июнь. – Вып. 6(18).

Дубровская Д. В. Судьба Синьцзяна. Обретение Китаем «Новой границы» в конце XIX в. – М.: Институт востоковедения РАН, 1998. – 202 с.

Дугин А. Г. Проект «Евразия». – М.: ЭКСМО, Яуза, 2004.

Дугин А.Г. Суверенитет XXI века // Литературная газета. – 2002. – 15- 21 марта. – № 10.

Дугин А.Г. Этносоциология. – М.: Академический Проект, 2011.

Ежегодный доклад работы правительства СУАР и Госсовета. Урумчи, 2011.

Зазерская З.И. Марксистско-ленинские принципы разрешения национального вопроса как основа национальной политики Коммунистической партии Китая (1949 – 1952 гг.). Автореф. дисс...канд. истор. наук. – Ленинград, 1954.

Захарьин А.Б. Особенности религиозной политики КНР в XX в. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. – 2015. – № 1.

Здравомыслов А.Г. Социология конфликта. М., 1995. – 317 с.

Зорин В.Ю. Размышления о национально-культурной автономии // Жизнь национальностей. – 2010. – № 3.

Зотов А. Ф. Современная западная философия. – М.: Высшая школа, 2001.

Игнатенко А.А. Ислам и политика / Александр Игнатенко. - М. : Ин-т религии и политики РАН, 2004. – 254.

Ислам и этническая мобилизация: национальные движения в тюркском мире / РАН. Центр по изуч. межнац. отношений Ин-та этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, Межрегион. обществ. орг. «Науч. о-во этнографов и антропологов»; Сост. С. М. Червонная; Под. ред. М. Н. Губогло. - М., 1998.

Исследование смешанных семей в СУАР. Сборник проектов Фонда социальных наук. Урумчи, 2003.

История Китая с древнейших времен до начала XXI века. В 10 т. / ИДВ РАН. Т. VII. – М., 2013.

Кара-Мурза С.Г. Краткий курс манипуляции сознанием / С. Кара-Мурза. - М.: Алгоритм, 2002.

Кара-Мурза С.Г. Маркс против русской революции / С. Кара-Мурза. – М.: Яуза, 2008.

Кара-Мурза С.Г. Между идеологией и наукой / С. Кара-Мурза. – М.: Научный эксперт, 2013.

Кара-Мурза С.Г. Оппозиция как теневая власть / С. Кара-Мурза. – М.: Алгоритм, 2006.

Кара-Мурза С.Г. Сеющие смерть, или Кто заказывает террор / С. Кара-Мурза, Ю. Мухин. – М.: Эксмо : Алгоритм, 2010.

Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. – М.: Алгоритм, 2011.

Карсанова Е.С. Этнополитические конфликты в многонациональных государствах. Компаративный анализ. – Одинцово: Гуманитарный институт, 2010.

Китай принял первый в истории закон о борьбе с терроризмом. NEWSru.com (URL: <http://newsru.com>).

Китай в мировой политике : [Учеб. по специальностям "Международ. отношения" и "Регионоведение" / В. Я. Белокреницкий, А. Д. Воскресенский, Ю. М. Галенович и др.; Отв. ред.-сост. А. Д. Воскресенский]; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (Ун-т). - М. : РОССПЭН, 2001. - 527 с.

Кляшторный С.Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии / С. Г. Кляшторный. – Спб.: Наука, 2006. – 590 с.

Конституционное право зарубежных стран: учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Баглай М. В. и др. ; под общ. ред. М. В. Баглая, Ю. И. Лейбо, Л. М. Энтина. - 2-е изд., перераб. – М.: Норма, 2006.

Конфликты на Востоке: Этнические и конфессиональные: Учеб. пособие для студентов вузов / Под ред. А.Д. Воскресенского. – М.: Аспект Пресс, 2008. – 512 с.

Корсун В.А. Этнический сепаратизм в Китае // Конфликты на востоке: Этнические и этноконфессиональные. М., 2008.

Котов К.Ф. Местная национальная автономия в Китайской Народной Республике. М. - 1959.

Котов К.Ф. Новый Синьцзян. - Алма-Ата : Казгосиздат, 1955.

Кривец Е. А. Ислам в Центральной Азии. М., 1999.

Кузнецов А. М. Этнонациональная политика и современные проблемы нациестроительства в Китае: монография. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2010. – 188 с.

Купин В.Н. Геополитические императивы глобальной безопасности. – СПб.: Астерион, 2002. - 228 с.

Куропятник А.И. Мультикультурализм: проблемы социальной стабильности полиэтнических обществ / А.И. Куропятник. - СПб. : Изд-во СПб. гос. ун-та, 2000.

Кушнерик Р.А. О восстании дунган в Западном Китае и в Синьцзяне в 60-е гг. XIX в. (по материалам записки А.К. Гейнса и К.К. Гутковского). Сибирь и Центральная Азия: проблемы этнографии, истории и международных отношений. Третьи научные чтения памяти Е.М. Залкинда: Материалы международной научной конференции 18 мая 2007 г. / под ред. В.А. Моисеева. Барнаул: Аз Бука, 2007.

Лебон Г. Психология народов и масс. СПб: Академический проект, 2011. – 240 с.

Лукин В.Н. Глобализация и международный терроризм. – М.:Наука, 2006.

Лэй Ж. Мировой национальный вопрос: изменения, новые тенденции, новые влияния. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: people.com.cn. (дата обращения: 18.12.2015).

Лэй Жао. Мировой национальный вопрос: изменения, новые тенденции, новые влияния (URL: <http://people.com.cn>).

Лю Ян Сюнь. Между уйгурами и ханьцами в г. Урумчи с 1949 // China News Weekly. 2014. (URL: <http://guancha.cn>)

Ма Жун. Теория и методы западной этносоциологии. - Китай: Тяньцзинь., 1997.

Малик И. Ислам и не-ислам. Ислам и экстремизм. Ислам и терроризм / Малик Ибрахим. - Казань : Идел-Пресс, 2005. - 287 с.

Мао Цзэдун. Избранные произведения. – Харбин, 1948.

Махмутходжаев М.Х. Национальная политика гоминьдана (1927-1937). – М.:Наука, 1986. - 127 с.

Мирзаев Р.С. Геополитика нового Шелкового пути. – М.: Издательство «Известия», 2004. – 304 с.

Москалев А. А. Теоретическая база национальной политики КНР : (1949-1999) / А. А. Москалев; Под общ. ред. В. С. Мясникова; Рос. акад. наук. Ин-т Дал. Востока. - М. : Памятники ист. мысли, 2001. – 222 с.

Москалев А.А. Нация и национализм в Китае: эволюция китайской мысли в подходах к нации и национализму. М.: Памятники исторической мысли, 2005. – 327 с.

Москалев А.А. Теоретическая база национальной политики КНР: (1949-1999). М.: Памятники ист. мысли, 2001.

Народы и религии мира: энциклопедия / [Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Российской акад. наук] ; гл. ред. В. А. Тишков. - Москва : Большая российская энцикл., 1998. – 926 с.

Национально-культурная автономия: проблемы и суждения: (По материалам заседаний круглого стола в Центре "Этносфера") / Правительство Москвы. Ком. обществ. и межрегион. связей. Центр межнац. образования "Этносфера". - М. : Этносфера, 1998.

Национально-культурные автономии и объединения: [В 3 т.] / Рос. акад. наук, Центр по изучению межнац. отношений Ин-та этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая; Сост. М. Н. Губогло, И. В. Нам; Отв. ред. М. Н. Губогло. - М. : ИЭИА, 1995.

Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; Предс.научно-ред. совета В.С. Степин. – М.: Мысль, 2000-2001. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://iph.ras.ru/enc.htm> (дата обращения: 04.03.2016).

Общество и государство в Китае : XXXVIII научная конференция / [сост. и отв. ред. С. И. Блюмхен]. - Москва : Восточная лит. РАН, 2008. – 253 с.

Омельченко О.А. Социально-экономическая история Синьцзяна (1949-1978 гг.) / Омельченко О. А.; Алт. гос. ун-т. Ист. фак. Каф. востоковедения. - Барнаул, 2002. – 224.

Осипов А.Г. Национально-культурная автономия. Идеи, решения, институты. СПб.: Центр независимых социологических исследований, 2004.

Петров В. И. Мятежное «сердце» Азии: Синьцзян: краткая история народных движений и воспоминания. – М.:Издательство «Крафт+», 2003. – 528 с.

Поляков К. И. Исламский экстремизм в Центральной Азии. – М.: Институт востоковедения РАН, 2014. – 136 с.

Портяков В.Я. Становление Китая как ответственной глобальной державы. – М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2013.

Рассел Б. История западной философии в ее связи с политическими и социальными условиями от античности до наших дней. В 2 т. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1994.

Религии Китая : Хрестоматия / С.-Петерб. гос. ун-т. Филос. фак.; Ред.-сост. Е. А. Торчинов. - СПб. : Евразия, 2001. – 508 с.

Родионов М.А. Ислам классический / М. А. Родионов. - СПб. : Азбука-классика : Петербург. Востоковедение, 2004. - 218 с.

Синьцзян. Ежегодный статистический сборник. Бюро статей СУАР. Урумчи, 2015.

Смит Э. Национализм и модернизм. – М., 2004.

Современный Китай: Социально-экономическое развитие, национальная политика, этнопсихология / Отв. Ред. Д.В. Буяров. М.: КРАСАНД, 2011. – 296 с.

Современный Китай: Социально-экономическое развитие, национальная политика, этнопсихология / Отв. Ред. Д.В. Буяров. Изд. 2-е. - М.: КРАСАНД, 2013. – 296 с.

Список самых бедных уездов Китая (URL: <http://www.cpad.gov.cn>).

Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению и специальностям психологии / Т. Г. Стефаненко. - 2-е изд., перераб. и доп. - Москва : Аспект Пресс, 2013.

Сун Бен Вен. Идейное содержание империалистической эпохи буржуазной социологии и ее влияние. - Пекин., 1956.

Сыроежкин К.Л. Мифы и реальность этнического сепаратизма в Китае и безопасность в Центральной Азии. – Алматы, 2003.

Сыроежкин К.Л. Синьцзян: большой вопрос Китая и Казахстана./ Сыроежкин К.Л. – Алматы: ИМЭП при Фонде Первого Президента, 2015.

Теория государства и права: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальности «Юриспруденция» / Н. И. Матузов, А. В. Малько. - 2-е изд., перераб. и доп. - Москва : Юрист, 2005.

Тодд Э. После империи. Pax Americana - начало конца. – М.: Междунар. отношения, 2004. – 240 с.

Убийство демократии: операции ЦРУ и Пентагона в постсоветский период. Сборник статей международного авторского коллектива / Пер. с англ. Андрея Верченкова; пер. с исп. Татьяны Владимировой. – М.: АНО «Институт внешнеполитических исследований и инициатив», Кучково поле, 2014. – 480 с. (Серия «Реальная политика»)

Угроза ИГИЛ: пути воздействия национально-религиозному экстремизму: сборник информационно-аналитических материалов / М.: Московское бюро по правам человека, 2016. – 160 с.

Ульван А.Н. Социальная сплоченность в Исламе (Ат-такафуль иджитмайй фи аль-ислам) / Пер. с арабского Р. Абдуррашида Нижнекамск: «Рисаля», 2009. - 112 с.

Ушаков В. Н. Политический ислам в Центральной Азии: основные факторы и перспективы / В. Н. Ушаков ; Кыргызско-Российский славянский ун-т. - Москва; Бишкек : Изд-во КРСУ, 2005.

Философия мировой политики: Актуальные проблемы (Учебное пособие). – М.: МГИМО, 2000.

Хакимбаев А.А. Национальная политика маоистов в Синьцзяне (1949-1969 гг.) // Институт востоковедения АН СССР. Специальный бюллетень. № 9 (48). - М., 1973.

Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. 480 с.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://grachev62.narod.ru/hantington/chapt10.htm>. (дата обращения: 27.02.2016).

Хоннет А. Моральное развитие и общественная борьба: ранние социально-философские учения Гегеля цивилизаций [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://gefter.ru/archive/10134>. (дата обращения: 10.03.2016).

Ху Янсинь. Государственная этнонациональная политика в Китае и России: сравнительный анализ теоретических подходов и социальных практик (в конце XX – начале XXI вв.). – М.: Компания спутник +, 2006.

Вестник Хубэйского института национальностей (Закон о национальных автономных территориях КНР). – Пекин: Издательство юридической литературы, 2001.

Цзэминь Цзян. Правильное понимание истории СУАР и противостояние этническому сепаратизму// Литература партии. Китай, 2010. № 6. С. 22–25.

Чжан Сюмин. Практика борьбы с сепаратизмом и сохранение социальной стабильности в СУАР. Урумчи: Народное издательство СУАР, 2009.

Шелехов, И. Л. Основы этнологии и этнопсихологии: учебное пособие / И. Л. Шелехов, Ж. А. Гумерова. – Томск. 2013.

Шестопад, Е.Б. Оценка гражданами личности лидера / Е.Б. Шестопад // Полис. – 1997. – № 6. – С. 57–72.

Широкогоров С.М. Этнографические исследования: Избр. работы и материалы / С.М. Широкогоров. - Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та. - 2001.

Широкогоров С.М. Этнос: исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений / С. М. Широкогоров. - Изд. 2-е. – М.: Книжный дом “ЛИБРОКОМ”, сор. 2010.

Шульга П.И. Синьцзян в VIII-III вв. до н. э.: (погребальные комплексы, хронология и периодизация) / П. И. Шульга ; Российская акад. наук, Сибирское отделение, Ин-т археологии и этнографии. – Барнаул. Изд-во АлтГТУ, 2010.

Шэн Ханчжень, Ли Цян. Введение в социологию – социологическая теория с китайской спецификой исследования.- Пекин., 1993.

Энциклопедия Baidu: Уйгурская письменность (URL: <http://baike.baidu.com>).

Этнос и политика: Хрестоматия /А.А. Прусаускас. — М.: УРАО, 2000. — 400 с.

Этносы и религии Китая. (URL: <http://www.mzb.com.cn/html/folder/36398.htm>).

На английском языке:

Boulding K. Conflict and defence: a general theory. New York, 1963.

Constitution of the People's Republic of China [Электронный ресурс] (URL: <http://www.dffyw.com/faguixiazai/xf/200701/20070119171202.htm>).

Gordon Milton M. Assimilation in American Life: The Role of Race, Religion, and National Origins. Oxford: Oxford University Press, 1964.

Global Trends in Armed Conflict, 1946-2016. Center for Systemic Peace. [Электронный ресурс] (URL: <http://www.systemicpeace.org/conflictrends.html#fig3>).

Nye Joseph S. Understanding International Conflicts: An Introduction to Theory and History. Harvard: Harvard University Press, 2009.

Terry D. Martin. The Affirmative Action Empire. Cornell University Press, 2001.

UNESCO Atlas of the World's Languages in Danger. [Электронный ресурс] (URL: <http://www.unesco.org/new/en/culture/themes/endangered-languages/atlas-of-languages-in-danger>).

На китайском языке:

Государственное информационное бюро. [Электронный ресурс]. (URL: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/2009/index.htm>).

Государственный комитет по делам национальностей. [Электронный ресурс]. (URL: <http://seac.gov.cn/col/coll11/index.html>).

Инфографика: 56 национальностей Китая. (读图识政治) 图解中国五十六个民族. [Электронный ресурс] (URL: <http://cnpolitics.org/2012/05/56-ethnic-groups>).

Население мира. Демографический состав и этническое распределение в СУАР. [Электронный ресурс]. (URL: <http://www.renkou.org.cn/china/xinjiang/2015/2263.html>).

Национальное бюро статистики КНР. Показатели ВВП. [Электронный ресурс]. (URL: <http://data.stats.gov.cn/easyquery.htm?cn=C01>).

Сяолин Ли. Форум: Демография и планирование семьи южного СУАР. [Электронный ресурс]. (URL: <http://iyaxin.com/>).

Чжунъя яньцзю (Исследование по Центральной Азии). – Ланьчжоу, 1995.

Юань Фанг. Методы социальных исследований. – Китай: Пекин., 1997.